

An aerial photograph of a vast open-pit mine. The mine is characterized by deep, terraced levels of earth and rock, showing a complex network of roads and tracks. A yellow excavator is visible on the right side of the middle ground. The overall scene is one of intense industrial activity and large-scale earthmoving.

**АЛЕКСАНДР
ВОРОНЕЦКИЙ**

**ХАЛЯВНЫЕ
БАКСЫ**

Александр Воронецкий

Халявные баксы

«Aegitas»

Воронецкий А.

Халявные баксы / А. Воронецкий — «Aegitas»,

В сложные времена развала СССР геологические организации одними из первых стали ненужными и начали закрываться. Два геолога и один механик из ранее благополучной партии находят место в старательской артели, добывающий содержащую золото руду. С надеждой, что золото государству нужно при любых обстоятельствах, и артель, этот пример новых для всех рыночных отношений, никогда не прикроют. Однако, реальность другая: в работе артели впереди большие сложности, и уже есть организованная группа, занимающаяся хищением золота. И даже есть человек, погибший в несчастном случае. Наши герои начинают разбираться в ситуации, быстро приходят к реальному пониманию происходящих событий. Убеждаются, что был не несчастный случай, а убийство, и даже не одно. И понимают, что скоро и раньше срока артели придет конец. А как он пришел, вместе с очередным трупом, как все рабочие остались без заработанных денег, что нашим героям пришлось делать дальше, что бы компенсировать потери, и какие при этом у них были приключения – вы прочтаете в книге.

© Воронецкий А.

© Aegitas

Содержание

Введение	5
Часть первая	8
Часть вторая	13
Часть третья	17
Часть четвертая	21
Часть пятая	24
Часть шестая	27
Часть седьмая	30
Часть восьмая	34
Часть девятая	36
Часть десятая	40
Часть одиннадцатая	43
Часть двенадцатая	45
Часть тринадцатая	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Воронецкий Александр Васильевич

Халявные баксы

Введение

Я – человек простой, не гений и не дурак точно. Ну может одна извилина в черепушке отличается от обычной для гомо сапиенса формы, потому что применительно к геологам «простой» – это как лейтенант или старлей в армии, а меня очень быстро сделали старшим геологом партии, что соответствует чину капитана, может даже майора. И тараканы в моей голове отсутствуют. Имею в виду больших, предпочитающих мозги жутких «правдолюбцев», хитрых карьеристов, бездушных мошенников, а то и просто бандитов – то-есть всех, кого народ за глаза или открыто называет подлецами и негодьями. Маленькие-то тараканчики, как и у всех без исключения, конечно присутствуют. Хотя понять они ли это, а не загадочные проявления души, не представляется возможным. Пример? Да запросто! Что такое для мужика страсть к охоте или рыбалке? Конечно, проявления авантюрной и романтической натуры. А для его жены? Конечно, маленький таракашка. Пример из интеллектуальной области? Пожалуйста. Что такое желание пополнить домашнюю библиотеку новыми интересными книгами? Конечно, проявления интеллигентности и утонченности мышления. А непреодолимое стремление жены расставить их на полке не по жанру и теме, а по ранжиру, качеству или цвету переплета? То-то и оно, сами понимаете что.

С одним маленьким таракашкой в моей голове жена мирилась всегда. И не возмущалась, если у меня появлялось желание наведать места, где прошли лучшие годы. Имею в виду студенческие, их-то по-другому никто и не считает. Места же эти в Москве, где я постиг основы профессии в Геологоразведочном институте, в том, что раньше находился на Моховой напротив манежа. Вот и навещал столицу раз в один – два года, по пути в отпуск из солнечного Казахстана в хмурую Смоленщину, где обитали мои предки – только до поры до времени, до всем известной «перестройки», закончившейся полным бардаком в стране.

С ее приходом геологам первыми стало «не до жиру – быть бы живу». Какие отпуска и поездки, если отрасль разваливали сразу и сознательно, прекрасно понимая, что открытых и разведанных месторождений столько, что от услуг романтиков поля можно отказаться лет эдак на десять – пятнадцать.

Но жизнь идет полосами. Обязательно трудная кончается, и начинается другая, когда можно вздохнуть с облегчением и вспомнить, что пора навестить и постаревших родителей, и сына, успевшего окончить институт, конечно Московский – по моему настоянию.

И вот, после долгого перерыва, познав все «прелести» переходного этапа от социализма к капитализму, уже другим человеком, для которого главное не государство а деньги, полученные или добытые полюбовому, я снова шагаю по знакомым улицам и проспектам, неожиданно для себя удивляясь, восхищаясь и возмущаясь одновременно. Удивляясь вездесущей красочной рекламе на всевозможные, ранее часто запрещенные темы, количеству появившихся забегаловок, в которых можно не только перекусить, а и успокоить душу, не пряча бутылку под стол. Восхищаясь невиданному во времена генсеков обилию товаров в магазинах, возможности в любое время дня и ночи выпить и перекусить, если на то есть желание. Возмущаясь толпам на улицах и в общественном транспорте, количеству лиц явно не Московского рождения, часто таких, кого в былые времена не подпустили бы к городу ближе сто первого километра. Возмущаясь засилью машин невиданных ранее марок, заполонивших не только улицы и проспекты, а и тротуары, и даже двory зданий, вплоть до выходов из подъездов.

Торопиться мне некуда. После института сын обосновался в Москве, и остановиться у него на несколько дней я могу всегда. Бросил в квартире дорожные вещи, и пока чадо с женой зарабатывают денежки, отправился на экскурсию по подзабытым местам. Очень интересно! Читаю рекламу, разглядываю витрины магазинов, в некоторые захожу лишний раз убедиться, что на прилавках есть все, вплоть до птичьего молока. Вот они, новые рыночные отношения! Глаз радуют! Правда, цены на товары тоже рыночные, честно говоря, приличные, иногда и запредельные, но товар-то – лежит на прилавках и никакой очереди! Может зря нас капитализмом с пеленок пугали? Вон он как шагает, не знаю как по стране – но по Москве семимильными шагами точно.

Больше часа я наслаждался обновленными видами хорошо знакомого мне города, подошло время посидеть, организовать что-то вроде второго завтрака. Раньше, при развитом социализме, подходящее место пришлось бы долго искать, потом стоять в очереди. Сейчас же на каждом шагу красочные витрины заманивали, зазывали посетить заведение и окунуться в полную нирвану.

Я выбрал понравившуюся коробочку из стекла и стали, над входом в которую реклама обещала все вкусно и недорого, вошел в помещение и устроился за одним из шести столиков. Приятно-то как! Светло, чистота стерильная, посетителей человек пять не больше, а у дальней от входа стены – бар с витриной причудливых бутылок с красивыми этикетками. Да, в сфере обслуживания капитализм явно переплюнул не воплощенные бывшей властью ожидания, надежда на которые долгие годы теплилась в душе каждого.

Не успел оглядеться, а ко мне уже спешила официантка в стильном и аккуратном костюмчике, подчеркивающим нужные места привлекательной фигуры и не скрывающим стройные ножки красавицы. Я не мог не улыбнуться, вспомнив официанток доперестроечных времен: всегда не очень красивые, как правило пожилые и в неопрятном одеянии, они редко вызывали лично у меня положительные эмоции. А таких вот симпатюшек, если и встречал, то в редких престижных ресторанах, в которых столь же редко отмечался по совсем невероятным поводам, да в самолетах аэрофлота в качестве стюардесс.

Подошедшая красавица мою улыбку заметила, очаровательнейшей своей ответила, и задала обычный в подобных случаях вопрос:

«Что вы желаете?»

Я с восхищением смотрел на девушку, совершенно забыв, что же собирался заказать. И не придумал лучшего, как с сожалением вздохнуть: с такой красавицей любой мужчина мечтал бы поговорить, посидеть за бутылкой вина, ну и так далее. Все это девушка легко прочитала на моем лице, еще раз улыбнулась и опустила глаза на маленькую книжечку в руках, сделав вид, что готова записать заказ. Пришлось фривольные мысли из головы выкинуть:

«Сто грамм хорошей водочки, ну и закусить что-то, вроде сосиски».

Девушка кивнула головой, бросила на меня мимолетный взгляд – как мне показалось, заинтересованный, и направилась в сторону буфета – бара, очень завлекательно покачивая умопомрачительной попой. Н-да, капитализм не всегда имеет волчий оскал, иногда это и чарующая улыбка искусительницы.

Через пару минут я сделал глоток качественного напитка, пожевал кусочек сосиски, и откинувшись на спинку стула, вытянул ноги – дать им возможность отдохнуть после непривычного для геолога асфальта. Немногие посетители заведения были заняты такой же расслабкой, а очаровательная официантка возле бара разговаривала с одним из сослуживцев, не забывая наблюдать за присутствующими. Возле меня она оказалась моментально, как только отодвинул в сторонку пустые тарелочку и стаканчик.

«Желаете еще что-то?» – со знакомой улыбкой задала очередной вопрос.

Я с сожалением вздохнул – принятые сто грамм не помешают, но заказывать еще, когда экскурсия по Москве только начинается, совсем ни к чему. Да и вечер впереди, рюмку при-

дятся не раз поднимать с сыном, его женой, их друзьями. Пришлось ответить соответственно ситуации:

« Спасибо, хватит. С утра вредно и наедаться и напиваться ».

« Очень вы серьезный мужчина », – опять же с улыбкой и некой интимной ноткой ответила девушка и положила на стол счет за съеденное и выпитое. Я полез в карман за бумажником, и доставая его, не мог, ну просто не мог не задать вопрос:

«Объясните мне, незнайке: почему вы, такая молодая и красивая, работаете простой официанткой? Неужели в Москве не можете найти места получше?»

Улыбка на лице девушки не исчезла, но в ней пропала знакомая лучезарность и проявилось некое сожаление, может быть волнение. Но ответить она все же решила, начав с вопроса:

« А почему вы, такой представительный мужчина, посетили наше заведение, а не ресторан? Одеты отлично, и деньги есть», – ну да, есть, только халаявные, честным трудом не заработанные, – «хотя и не в Москве живете, а где-то под солнышком – вон как загорели! И фигура у вас спортивная!» Я приятно удивился прозорливости красавицы и подтвердил ее суждения кивком головы. А она продолжила: « Вот и я не москвичка, приехала из маленького городка. А устроиться непросто, если нет желания выполнять сразу две работы».

« Как это две?» – удивил девушку наивностью.

Красавица подняла вверх очи и покрутила головой, демонстрируя ущербность в моих знаниях особенностей столичной жизни.

« Что, мужики на работе пристают?» – решил я на предположение.

« Если бы », – девушка вздохнула, – « мужиков можно послать куда подальше, а хозяина, к кому нанимаешься, как? На дверь сразу покажет».

Пришлось прискорбно вздохнуть мне. Конечно, и в старые времена начальники пользовались положением и красивых женщин без внимания не оставляли. Но все в рамках обоюдного согласия, чтобы не дай бог дама не возмутилась и не подняла шум – за такое можно было и с хорошей должности полететь. Теперь же, когда бывшие начальники превратились в законных хозяев тех же предприятий, кого и чего им бояться? Некого и нечего, что девушка мне и подтвердила. Правда, многие из них сейчас скромниц из себя не строят, а секс с хозяином считают необременительным способом дополнительного заработка. Но не все же – очаровательная официантка к таким дамам точно не относится, за что симпатии мои к ней сразу же выросли. Но все, что я мог – это ограничиться советом, если не просто отговоркой:

« Понимаю и сочувствую. Но мужики не все паскудники. Главное – не спешить, вас обязательно хороший человек заметит, и работу предложит достойную».

«Ждать такого, как вы?» – улыбнулась моя симпатия.

« Можно и такого, » – согласился с приятным для меня выбором, уже поднимаясь из-за стола, – «только помоложе.»

Мы еще раз улыбнулись друг другу, кивнули головами в знак расставания, и я с сожалением забегаловку покинул, с неволью пришедшими в голову мыслями на тему соотношения продемонстрированных мне здесь, сейчас, приятных и отвратительных черт новых для страны капиталистических отношений. Много раз я к этим мыслям возвращался, но окончательно для себя так и не решил: капитализм для нас благо, или же рано или поздно вырождается в уродину, в какую страна превратилась при коммунистах?

Полного спокойствия, уверенности в будущем, лично у меня нет. Как никто в мире мы можем опозлеть и извратить все, что там для нас капитализм, принесшей Европе комфорт и процветание! Мы же другие, у нас всегда и во всем свой путь! За что нас никто не понимает, а многие на всякий случай не перестают опасаться.

Часть первая

Как объяснить, почему в семнадцатом году самодержавие и основы капитализма уничтожались малограмотным народом в гражданской войне несколько лет, а в наше время такой же процесс, только обратный – из социализма в капитализм – прошел быстро и гладко? Причем с полным падением моральных устоев большинства? Мы что, перекушали братства и равенства, честности и верности, а принцип один за всех и все за одного, позволивший победить в Великой Войне, как уж плох? Трудно согласиться, но перерождение в худшую сторону прошел каждый из нас. В том числе и я, и шло оно неумолимо, по воле обстоятельств, а никак не по собственному желанию.

В эту жуткую молотилку в числе первых попали организации чисто бюджетные, конечный продукт которых невозможно реализовать на рынке. Неинтересными стали и геологи, ненужными, даже лишними, и финансирование урезалось с каждым годом и при любой возможности. А в камералках по всей стране шли бесконечные споры на тему что делать и что ждет впереди. Не знаю, как в других, но в нашей партии никто увольнялся не хотел, и новое местечко не подыскивал. Да и бесполезным было делом – в геологических организациях свободные вакансии давно отсутствовали, а уходить на сторону большинство побаивалось, все на что-то надеясь.

Я понимал, что ситуация вот-вот изменится, и пора уже не думать, а действовать – договариваться, куда в случае форс-мажора податься. Конечно, куда-то с близкими к геологии условиями существования. Выбор был минимальным: только в рудодобывающие организации, при которых всегда ведутся разведочные работы. Таких в ближнем окружении нашлось несколько, в том числе две привлекательные: занимались добычей золотосодержащей руды, очень нужной для страны, а потому имели отличные перспективы существования при любой смуте. Но, оказалось, и там работников хватало своих, а стало быть, с моими надеждами получался полный облом.

Честно говоря, мне повезло. Как-то в конце апреля я зашел в кабинет к Игорю Георгиевичу, главному геологу. Как один из руководителей партии, он раньше подчиненных узнавал о новых веяниях в вышестоящих организациях, о последних издаваемых там директивах. И всегда пытался использовать эти знания на благо. Вот и сейчас мы в очередной раз поговорили на тему трудоустройства полевиков и меня в их числе, и он поделился своим мнением:

«Геологам пора переучиваться, менять профессию. Для государства мы превращаемся в обременительную обузу».

«Но кто-то же должен искать руду? Ладно, с десяток лет добыткики продержатся на разведанном, а потом что? И их закроют?» – влез я с собственным убеждением.

« Не закроют», – не согласился Игорь Георгиевич, – «не дойдет до такого. С десяток лет мы, конечно, помучаемся, а потом все потихоньку образуется, не может смута длиться вечно!»

Так вот меня успокоил. Но переучиваться, как предложил, для меня, да и для ребят из моей группы поздноват, возраст не тот. Соглашаясь, что делать это кое-кому все же придется, для себя лично я не мог представить другой профессии, кроме геолога. Пришлось у Игоря Георгиевича попросить совета:

« И на кого я, по-твоему, должен переучиться?»

«По-моему – ни на кого,» – главный геолог заулыбался, зная что я не представляю жизни без работы в поле, – «Ни на кого тебя не переучишь, но кое- что предложить могу».

«И что, если не секрет?» – тут уж я весь во внимание.

Начальник с серьезным видом помолчал, вздохнул, и глядя мне в лицо выложил:

«На днях Сергей Логинов заезжал, ты его знаешь,» – я кивнул головой – Сергей работал геологом в небольшой старательской артели, километрах в семидесяти от поселка партии

добывающей золотосодержащую руду на небольшом нами же выявленном объекте. «Так вот», – продолжил Игорь Георгиевич, – «ему помощник требуется, что бы мог подменить в случае чего. Я про тебя намекнул, сейчас и самого ввел в курс дела. Через пару дней Сергей подъедет, с тобой поговорить. Но излишне не обольщайся, еще не ясно, что предложит. Подумай, что ему ответить, хотя», – главный геолог встал из за стола и начал вдоль него прохаживаться, – «в данный момент лучшего тебе не найти.»

В последнем я с ним был согласен, еще не зная, что в артели предложат делать и за какие деньги, Наверное, на лице это проявилось, потому что собеседник, глянув на меня усмехнулся, и озвучил теперь свою надежду:

«Глядишь, и ребят туда пристроишь. Артель, где золотишко добывают, точно не разгонят, а деньги зарабатывают приличные, не в пример нашим окладам», – и не мог не съехидничать: «Капитализм там, и рыночные отношения, о которых у нас в партии болтали, болтали, пока благополучно не заговорили, как любое хорошее начинание!»

Вскоре мы разошлись, и я вернулся в комнату к ребятам. Но рассказывать о встрече с главным геологом и мелькнувшей надежде устроить их в старательскую артель простыми работягами поостерегся, пока рановато.

Через три дня Сергей появился в партии. В кабинете Игоря Георгиевича и при его присутствии состоялся разговор. Вообще-то все давно знали друг друга, иногда встречались и обсуждали вопросы по геологии, делились новенькой информацией. И Сергей отлично знал, что как на специалиста, на меня может положиться. А потому по согласованию с руководством артели предложил быть негласным заместителем на случай своего в ней отсутствия. Отсутствовать же придется пять – семь дней в месяц – на нем, кроме дел геологических, лежала увязка и утряска бумаг при сдаче добытой артелью руды, от содержания чистого золота в которой напрямую зависели заработки артели. Для этого приходилось посещать перерабатывающее руду предприятие, куда только добираться почти сутки. Основной же моей работой будет отбор проб, вернее руководство отбором, для постоянного контроля содержания благородного металла в изымаемых из карьера рудных массах.

Предложение Сергея меня устраивало, и я немедленно согласился. Договорились, что за десять дней я закончу дела в партии, и он за мной подъедет, отвезет к месту новой работы и представит руководству заключить договор, или как сейчас говорят – контракт.

Теперь пора позаботиться о ребятах: как в артели, не найдется ли для них место? Сергей развел руки: этого сказать не может, не его компетенция. Но если я не против, на тему с начальством поговорит.

Мы еще минут двадцать потрепались о нынешних во всем трудностях, теперь с участием Игоря Георгиевича, и Сергей Логинов из партии уехал. После чего главный геолог, которому быть моим руководителем осталось десять дней, грустно вздохнул и подвел итог:

«Печально все. Как ни крутись, придется расставаться. А надеялся до пенсии с тобой поработать. С пол слова понимали друг друга! И не только по работе – какие охоты и рыбалки у нас были! Да и вообще», – он махнул рукой и отвернулся в сторону, – «жить не хочется! Это ж надо, до чего страну и народ довели – лучшие специалисты оказались лишними!»

«Может, все и к лучшему», – понесло меня на лирику, – «Кажется, что сейчас пустой болтовней дело не кончится. Власть должна поменяться, и окажутся в ней не одни коммунисты. Что бы ни говорили, а дело идет к тому. Так что», – здесь я улыбнулся, – «перебьемся, лет пять, эту смуту, и снова вместе поработаем, Какие наши годы!»

«Не надейся», – не согласился уважаемый начальник, – «лет десять страдать придется, не меньше»

Пришлось вздохнуть и мне: согласен с Игорем Георгиевичем, но очень хотелось надеяться на лучший вариант.

Рассказывать ли ребятам о сделанном мне предложении, я сомневался. Могут и обидеться: себе втихаря место нашел, а им что делать? Вроде как их бросил. Но подумал, и решил не темнить. Вдруг место в артели и для них найдется, но не всех устроит? Так что желательно отношение к возможной работе каждого знать заранее.

В комнате ребята сразу определили, что у меня имеется ценная информация, и молча ждали момента, когда я начну ею делиться. Самый нетерпеливый – Владимир – уже норовил открыть рот, что бы начать процесс словесного общения. Но пока выдерживал паузу, невольно заставив меня вспомнить, что он, побывав в свое время главным инженером небольшой партии, быстро прикрытой по причине случившихся там двух трагических происшествий, лучше других разбирается в житейских ситуациях, в том числе и лучше меня, когда дело касается хозяйственных вопросов. И я надеялся, что от предложения поработать в артели он не откажется.

Действительно, Владимир сразу поднял руку:

«Согласен, поеду с удовольствием. Деньгу можно зашибить хорошую, а они для меня край как нужны – дочь в институт отправляю. Вот и повкальваю сезон спокойно, не думая, когда в отпуск неоплачиваемый отправят!»

«С женой посоветуйся», – не забыл я напомнить, – «чтобы мне голову не открутила!»

«С женой давно обговорено», – успокоил приятель, – «в партии школу в этом году точно не закроют – работа у учителей пока есть, вот и поживет одна. А я навещать буду, всего-то километров шестьдесят».

«Семьдесят», – уточнил я, в мыслях с планами Владимира согласившись. И повернулся в сторону среди нас старшего по возрасту Лени:

«А ты что думаешь?»

Леня у нас другой. Он техник-геолог, старожил партии. Работает в ней с момента создания, никуда никогда не переводился и даже не пытался это сделать – партия и работа устраивали на все сто, и я не был уверен, что он захочет поехать в другое место.

Приятель, молча перебиривший бумажки на столе, даже не поднял голову. Ясно, артель его не устраивает, и этого я должен был ожидать: когда жена ушла, Леня очень долго обижался на весь женский пол и не обращал на него никакого внимания. Пока не встретил Ларисочку, окружившую мужика такой заботой, вниманием и аурой любви, что тому было просто некуда деваться. В любви и согласии они живут уже несколько лет, и я должен понимать, что один, без Ларисочки, Леня никуда не поедет. Это он и подтвердил, наконец-то оторвав голову от лежащих на столе бумажек:

«Не, не поеду. Руки болят», – Леня и правда давно жаловался, – «а там на них вся нагрузка придется. Да и возраст не тот, чтобы работу нашу, ну творческую, что ли, менять на тяжелую физическую. Посижу в партии, пока не уволят. А там видно будет».

Владимира отговорки приятеля не убедили:

«Не вешай лапшу на уши, работать он, видите ли, не может физически. Не работать, а Ларисочку оставить одну боишься!»

«Ну и боюсь», – согласился Леня, – «тебе не понять, что чувствуешь, когда жена бросает! А у меня такое было, и повторяться не хочу. Проживем с Ларисой и без артели!»

«Без артели проживешь», – с ехидством согласился Владимир, – «а без денег – вряд ли!»

«Все», – прервал я начавшуюся перепалку, – «с Леной понятно, а ты как?» – обратился к третьему из своих подчиненных – к Паше.

В моей группе Паша появился вместе с Владимиром, все из той же закрытой партии, где был простым геологом. Им оставался и у меня, и такое положение его устраивало. Причем имел два малых «короеда», которых нужно кормить и одевать, и я полагал, что в наше время от хороших денег он не откажется.

Оказалось, ошибался: Паша скорчил кислую физиономию, почесал затылок, и уставившись в потолок, выдал:

«Не знаю, надо с женой посоветоваться»

«Конечно, сам ты решить ничего не можешь!» – поддел Владимир и этого.

Возмущенный Паша вскочил со стула и собрался возразить поклепу в свой адрес, но нужных слов от волнения не находил. Пришлось придти ему на помощь:

«Не слушай этого чудака. С женой он советовался, это точно. Только сделал все заранее, ну а ты к своей сбегай – в соседней комнате сидит, за стенкой!»

Паша, так и не вымолвив ни слова, а только помахав руками, выскочил из комнаты, после чего и я, и Леня посоветовали Владимиру быть повыдержанней в разговоре с друзьями. Тот отреагировал ожидаемо:

«Ну да, он же у нас красна девица! Можно только с поцелуями лезть, да соплю пускать!»

Из соседней комнаты обиженный Паша вернулся с ответом: нет, жена не соглашается отпускать его к черту на куличики на целый сезон. Будет он заниматься подсобным хозяйством – расширять огород, разводить кур, а может и поросенка заведет. Как-нибудь проживут, зато не разлучаясь. Понятно, подкаблучника своего Людочка никуда одного отпускать не собиралась.

Вот так-то. Получалось, что друзья мои о трудоустройстве рассуждали, а в душе каждый место для себя давно определил.

Уже легче, трудоустроить одного человека всегда проще, чем нескольких. Но с Сергеем Логиновым я говорил о трех жаждущих попасть в артель. Получается, что неправильно информировал изначально. Неудобно, и для меня неприятно – не привык людей обманывать. Нужно найти еще хотя бы одного человека. Два – если и не три, то все же лучше, чем один.

Заручившись согласием Владимира, я побежал в гараж к приятелю не из геологического цеха, с которым давным-давно связан совместной охотой, рыбалкой и всеми присущими им страстями. Дока, т.е. Евдоким, в партии трудится механиком, но не в пример некоторых технарей новое место работы пока не подыскал по той же причине, что и я: оба не можем существовать без степи, гор, горушек и сопков. Без возможности наслаждаться, причем постоянно, общением с дикой природой и ее обитателями.

Пришлось по гаражу немного побегать, прежде чем Дока появился на горизонте. Я тут же рванул за ним, и успел схватить за руку, прежде чем приятель шмыгнул в каптерку. Он резко обернулся, и лицо расплылось в улыбке:

«Ты, слава богу! А я подумал, что м...ку этому – Николаеву – понадобился! Заколебал сегодня окончательно! То то сделай, то это! Словно у меня десять рук!»

Николаев – бывший несостоявшийся геолог, сейчас главный инженер партии. Человек вредный, злопамятный, за что нелюбимый почти всеми и мной в первую очередь. Поэтому всегда сочувствовал Доке, у которого Николаев прямой начальник.

«Не переживай», – утешил приятеля, – «он перед закрытием партии выпендривается. Ты-то место себе найдешь, с техническим образованием, а ему что делать? Он же геолог, причем несостоявшийся, и как инженер кроме партии нигде не нужен!»

«Это точно», – с удовольствием согласился Дока, и поинтересовался, – «а я тебе зачем?»

«Для разговора серьезного», – заинтриговал мужика, – «давай-ка в конуру твою пройдем, что бы не мешали нам.»

В каптерке я выложил разговор и с Игорем Георгиевичем, и с Сергеем Логиновым. И о малой-малой надежде на трудоустройство его в артели, если, конечно, на то есть желание. Приятель слушал меня внимательно, все больше и больше возбуждаясь. Наконец я замолчал, а Дока забегал по каптерке, крутя головой и размахивая руками:

«Я давно от этого долбаного Николаева уйти хочу!» – начал он изливать душу, – «Но куда? В городе, как и ты, работать я не смогу. Без всего этого,» – он показал рукой на окошко, и я понял: «без всего этого» – это без степи, гор, озера, без охоты и рыбалки, Ну как и я, один к

одному. «А в артели повкалывать – самое то, и деньгу получишь, и при деле будешь по крайней мере до конца сезона,» – это он начал соглашаться с моим предложением, – «А главное – я здесь останусь, с тобой рядом. Так что с предложением согласен, если дело выгорит – поеду на любую работу. Где наше не пропадало!»

От Доки я ушел удовлетворенный полностью. Два желающих повкалывать в артели есть, остается дожидаться Сергея Логинова, и надеяться на хорошие для всех новости.

Часть вторая

Десять дней пришлось покрутиться. Закончить дела в партии я был обязан, а их набралось достаточно. Последние четыре года мы худо-бедно, но работали по большому заданию, слава богу, полевые материалы собрали, оставалось их обобщить и отразить документально в отчете. Зимой этим делом занимались, и все, что требовалось, включая текстовые приложения – в черновиках составили. Задерживались лишь анализы отобранных проб, обработка их на ЭВМ, что от нас не зависело. И в принципе, отчет по заданию мог завершить любой геолог хорошей квалификации. Такой у нас недавно появился: Кузьмич, старший геолог пред пенсионного возраста, переведенный в нашу партию из другой, недавно «приказавшей долго жить». Заслуженного же человека, которому осталось поработать меньше года, уволить постеснялись.

Игорь Георгиевич решил, что Кузьмичу должен я передать дела. Десять дней это делал, обсуждая с ним черновики текста, рассматривая готовые для размножения геологические карты – ребята не решались отвлекать нас лишними разговорами. Слава богу, закончить передачу к концу оговоренного срока я успел, так же, как и оформить бумаги по увольнению из партии «по собственному желанию».

С женой тоже образовалось лучше некуда – для завершения отчета в городе организовывалась группа чертежников, и она в нее попала. Ну а при горячей воде и газе женщина может пожить и одна. Впрочем, по поведению Светы я понял, что возможное расставание с мужем ее не очень волнует и большими переживаниями не обернется. Раньше такого равнодушия в наших отношениях я и представить не мог, и конечно определил их причину: сын уехал в Москву в институт, а вместе с ним исчезла обязанность его совместного воспитания. Хотя возможно я ошибаюсь – просто мы немного надоели друг другу, и небольшая разлука пойдет только на пользу. Теперь я был к ней готов, как и к новой для меня работе.

Сергей Логинов появился в партии в назначенный день, правда не до обеда, как я рассчитывал, а ближе к вечеру. Подкатил к моему дому, когда я уже начал волноваться: вдруг что-то в нашей договоренности поменялось? Слава богу, такого не случилось, я спокойно загрузил в Уазик нового начальника приготовленные рюкзак с вещами, спальный мешок со спрятанной в нем старенькой одностволкой. Верный собачуха Чапа тут же запрыгнул в кабину к моим вещам поближе, уселся на пол рядом с ними и посмотрел на хозяина машины: как отреагирует на такое «нахальство».

«С собой возьмешь?» – поинтересовался Сергей.

«Без меня умрет с тоски», – объяснил новому начальнику, и пригласил его попить чайку, «на дорожку». Он с удовольствием согласился, и мы прошли в комнату, где жена быстро приготовила все для китайской церемонии.

Теперь самое время порадеть за друзей – приятелей:

«А как в артели с потребностью в рабочей силе?» – повернул разговор в нужную сторону, – «Помнишь, обещал за моих ребят у начальника поинтересоваться?»

Сергей усмехнулся, хмыкнул, покачал головой, и только после этого объяснил ситуацию:

«Не просто все. Один работяга-чернорабочий, то-есть на подхвате, нужен. Есть желающий – проблем нет, может приезжать».

«И все, больше никаких вакансий?» – у меня то двое желающих повкалывать в артели ради хороших денег.

«Для бывших геологов точно нет», – разъяснил Сергей с неким даже сожалением, потом виновато улыбнулся и добавал, – «а вот мастер на все руки, специальности технической – вроде механика – нужен позарез. Только своих ребят не предлагай, начальник сразу отфутболит, и правильно сделает».

Надо же, как все хорошо складывается! Владимир и на чернорабочего согласен, а Дока на механика тянет стопроцентно! Тут я возможности не упустил:

«Как раз такой Кулибин и хочет у вас поработать – классный механик, спец от бога! Раньше его из партии никуда бы не отпустили, а сейчас – сам видишь – все здесь разваливается. Вот и ищет человек место, где можно сезон спокойно повкалывать, не дергаясь».

Сергей долго изучал меня взглядом:

«Серьезно говоришь, не преувеличиваешь?»

«Да некуда серьезней!» – постарался уверить, – «И парень не просто спец, а трудяга, сложа руки никогда сидеть не будет!»

Оценив проявленные на моей физиономии эмоции, Сергей посчитал что не вру. Тут же подтвердил это:

«Ладно, меня убедил. Но решать будет начальник, кадры в его ведении. А друзей своих мне покажешь, должен на них посмотреть и парой слов переброситься. Потом в артель погоним, к ночи бы добраться.»

«Ребята давно на рюкзаках сидят, тебя дожидаются!» – удивил я геолога оперативностью проделанной мною работы. И разом начали из-за стола выбираться – чаепитие завершилось, как мне показалось, для обоих – полезными разговорами, а для меня – и обнадеживающими перспективами в отношении трудоустройства друзей.

Попрощавшись со Светой, я – поцелуем в щечку, Сергей – церемонно пожав протянутую ручку, мы залезли в Уазик, и через пару минут возле дома Владимира я представлял хозяина как кандидата на должность чернорабочего.

Впечатление тот произвел отличное: мужик большой, физически развитый, вид интеллигента и в разговорах чувствуется, что голова работает, а не предмет украшения. Втроем подкатили к дому Доки, пардон – Евдокима, который, зная о сегодняшнем визите «человека из артели», за день успел испереживаться до предела, но никуда не отлучался, боясь в нужный момент не оказаться на месте.

С Докой Сергей разговаривал минут десять, надеясь определить уровень технической квалификации. Дока, в свою очередь, изо всех сил старался не ударить в грязь лицом, и как мне казалось, это у него хорошо получалось. Здесь я не ошибся:

«Ну что же, лично меня Евдоким устраивает», – услышал от Сергея, – «но окончательное решение принимает начальник. Могу обещать, что вас двоих», – он кивнул головой в сторону моих подопечных – «предложу на работу принять. Но несколько дней придется подождать, пока я еще раз в партии не появлюсь».

«А пораньше нельзя?» – не удержался Дока.

«Нет, раньше не получится, работа у меня срочная в карьере, подождать придется»,

«А мы на мотоцикле прикатить можем, в любой день!» – не успокоился Дока. Владимир тут же его поддержал, кивнув головой.

Сергей рассмеялся:

«Ну и шустряки у вас!» – это он мне, потом ребятам, – «Так и быть, есть желание – приезжайте, но через три дня. Раньше бесполезно, начальника на месте не будет. Я в артель приеду, а он уедет на пару дней».

Ребята еще раз покивали головами, и Сергей подвел итог:

«Будем считать, что договорились!» После чего пожал довольным кандидатам на физический труд руки и полез в Уазик. Я за ним, и из кабины друзьям подмигнул, показал, что дела у всех нас пока о-кей.

Семьдесят километров пилить по проселку часа два, не меньше. Не молчать же столько времени, и я первым не выдержал, затронул полезную тему: как дела в артели, какие тонкости и особенности работы, как коллектив и легко ли в него вписаться, ну и прочее. Сергей разговор поддержал, и по старому знакомству много полезного рассказал. Понял я главное: народ

работящий, рабочий день по двенадцать часов плюс дополнительно осмотр, заправка, текущий ремонт техники, Если вычесть завтрак-обед-ужин и необходимые семь – восемь часов на сон, то получается, что свободного времени практически нет, разве иногда помыться и постираться. Ко всему прочему сухой закон. Полный расчет – по окончанию сезона, по первому снегу. Но, к моему удивлению, и ежемесячно буду получать что-то вроде аванса (назвал запредельную сумму) – семью кормить, одежду прикупить, мелочи разные. Очень меня обрадовал!

Особенности жизни и работы старателей меня не удивили – пару раз заезжал на подобные объекты, видел как ведутся работы, разговаривал с работягами. Так что откровения Сергея выслушивал спокойно и даже с удовольствием, когда информация касалась заработка. Но до поры до времени, пока тот не затронул неожиданную тему:

«Только не думай, что у нас рай, а мы все этикие херувимчики», – сменил привычную улыбку и добродушие на лице на тут же мною замеченные озабоченность и серьезность, – «случаются и у нас дела, что приходится в милицию обращаться, за помощью.»

«И что за дела?» – не смог я сдержаться, надеясь услышать историю с детективным уклоном, любителем каковых был всегда и в разгадке нескольких в прошлой жизни участвовал как помощник оперативных работников.

«Неприятные дела», – вздохнул Сергей и недолго помолчал, – «недавно человек погиб, главный спец по технике». Обернулся в мою сторону: «Друга твоего, Евдокима, на место погибшего предлагать буду. Без хорошего механика артель быстро под откос пойдет – нужный объем добычи руды удержать не сможем точно». Он перевел взгляд на дорогу, потому как ставшая привычной колея начала раздваиваться, разтраиваться, предупреждая о сложном и опасном месте впереди, где скорость желательно сбросить, а внимание удвоить, – «Очень надеюсь, что парень твой к месту придется.»

«За Доку ручаюсь, специалист классный», – лишний раз заслуженно похвалил приятеля, уже понимая, что не поинтересоваться обстоятельствами смерти его предшественника я просто не в силах, – «Если не секрет, то как погиб ваш механик?»

Сергей молчал, пока проскакивали разбитое и колеястое место и заговорил, когда выскочили на относительно ровный и в одну колею проселок:

«Упал в карьер, с верха до дна летел метров пять. Уступ отвесный, ухватиться не за что, а на дне – монолит коренных. Ударился головой, сразу насмерть.»

«А зачем полез на край карьера? Что там мог делать?» – как всегда, остановиться я не мог, пока не выпытаю все детали заинтересовавшего события.

«То- то и оно», – хмыкнул мой новый начальник, – «делать было точно нечего. Но ведь полез за чем-то!»

«Может, столкнул кто?» – предположил я худший вариант.

«А за что?» – не согласился Сергей, – «Мужик был хороший, технику знал отлично, и с работягами отношения тоже были отличными. Ну с начальством иногда спорил – принципиальностью отличался ко всему прочему. Так за это в карьер не сталкивают!»

Это как сказать! Принципиальных и честных как раз и недолюбливают – мешают проворачивать дела не всегда законные, но денежные именно они, а вовсе не те, кто смотрит начальнику в рот и безропотно выполняет любые указания. По крайней мере, в моей родной партии не очень и давно горного мастера убили именно за честность и принципиальность. Но убеждение свое высказать Сергею поостерегся, исходя из правила, что в чужой монастырь со своим уставом, то бишь мнением, лезть нельзя. Однако в памяти факт подозрительной смерти человека отложил, и конечно решил попытаться разобраться с этим делом на месте.

До лагеря добрались засветло. Два ряда домиков из досок и фанеры, в каждый можно затолкнуть максимум по четыре кровати, два притянутых по снегу или привезенных позднее балка из квадратного бруса, старенький полевой вагончик-столовая, дизель электрообеспечения – все эти атрибуты полевого комфорта выстроились по краю узкой протяженной рав-

нинки, вплитык к гряде мелкосопочника, ограничивающей ее с одной стороны; с другой она постепенно и плавно переходила в бугристую возвышенность. За дизелем, подальше от жилых построек – несколько емкостей под горючку, там же рядом место ремонта техники – валяются железки, отработанные детали. С другого конца лагеря, метрах в трехстах от крайнего домика, на стыке равнины и мелкосопочника проглядывал карьер, где и добывалась золотосодержащая руда. От него доносился звук работающей техники, мелькали фигуры рабочих, рядом бугрились отвалы поднятой породы,

Подъехал Сергей к одному из балков, и по тому, что не прихватил с собой из машины сумку с вещами, я понял: это жилище начальника. Попросив жестом подождать, геолог прошел в балок, и через минуту пригласил меня зайти, так же махнув рукой.

Зашел, демократично поздоровался пожатием руки с представительным мужчиной начальственного сословия – Николаем Игнатовичем, представился как Юрий Васильевич, занял место на предложенном стуле. И тут же выслушал, что я обязан делать, и что не должен делать ни коим образом, после чего подписал пространную бумажку с зафиксированными на ней моими обязанностями, без упоминания каких-либо прав. Все, теперь я законный член старательской артели. На этом официальная церемония трудоустройства закончилась, мне предложили балок покинуть и подождать Сергея пару минут на свежем воздухе. Определенно начальник решил поговорить с геологом на запретную для меня тему.

Толкался я возле балка не пару минут, а целых десять. Наконец Сергей из помещения выскочил, бросил мне: «Садись», и полез в Уазик. Я не заставил ждать, и проехав вдоль ряда домиков, мы остановились возле крайнего. Сергей заглушил двигатель, и не вылезая из машины, дважды меня порадовал: во-первых, домик я занимаю пустой, и если мои друзья в артель приедут, то будут жить в нем же; во-вторых, начальник не против принять моих друзей на работу, но Евдокиму определит испытательный срок дней в десять – убедиться в его должной квалификации. После чего провел меня в жилище, из которого с писком выскочили в приоткрытое окно две птички, и где ждала кровать с матрасом, подушкой, одеялом и простынями. Предложил устраиваться, осмотреться, а завтра выходить на работу – к семи утра из вагончика столовой подойти ко второму балку рядом с уже мне известным, и там подождать работодателя, то-есть его же. После чего домик покинул и зарулил не знаю куда. Наверное, к своему жилищу, куда я должен завтра явиться.

«Ну что, дружище», – сев на кровать, повернулся я к лохмотому другу, – «будем здесь жить. Так что устраивайся!» – на что Чапа завилал своим обрубком, поставил передние лапы мне на колени, и лизнул в лицо.

Часть третья

Утром птички разбудили писком – две ласточки в ускоренном темпе сооружали гнездо, прикрепив его над окном к щитку с электропробками. Я зашевелился, и они начали на меня поглядывать, но дело не бросили, даже когда с кровати поднялся и расхаживал по домику. Чапа поглядывал то на них, то на меня с явным вопросом: как он должен поступать. Погрозил ему пальцем – трогать птичек нельзя. Подошел к строительному объекту вплотную и в упор внимательно рассмотрел красавицу и красавца. Они ответили тем же, на секунду замерев и уставясь на меня бусинками глаз. Подумал, что зря стараются, придется искать для гнезда новое место – не держать же все время окно открытым. Но птички согласиться с этим не захотели, и продолжили работу, на меня больше внимания не обращая. Я махнул рукой – делайте что хотите, в крайнем случае, если придется окно закрывать, можно из рамы вынуть одну стекляшку вместо форточки. И вскоре побежал в вагончик-столовую с пустой миской в полиэтиленовом пакете, приказав собачухе оставаться в жилище.

Пока завтракал, успел с несколькими работягами познакомиться. Точнее, им представиться, поскольку народ оказался неразговорчивым, и калорийную вкусную пищу поглощал молча, быстро, словно на завтрак каждому отпущено по несколько минут. Закончив с едой, все так же быстро вагончик-столовую покидали, без лишнего трепя и перекуров на выходе. Никто не поинтересовался, откуда я, чем буду заниматься. Впечатление создавалось всеобщей жуткой занятости. Мне оставалось не казаться белой вороной, то-есть, от других действиями не отличаться. Когда рядом оказалось свободное место, одна из двух поварих, молодая и симпатичная пампушечка, на минуту присела за мой столик, улыбнулась и чисто по женски поинтересовалась:

«Давно у нас интеллигентные мужчины не появлялись. И откуда вы такой чистенький, свеженький?»

Я улыбнулся, услышав лесную характеристику в свой адрес, и открыл рот, что бы ответить комплиментом. Не успел – меня опередил крепкий мужик из-за соседнего стола:

«Что Варюха, на свежака потянуло? Смотри, не прогадай! Чистенькие – они ведь такие: поматросят и забросят! Старые ребята понадежней!»

Варюха обернулась в сторону третьего-лишнего, бросила на него сердитый взгляд и повернулась ко мне с комментариями на непрошенную реплику:

«Не слушайте его, злой он, раз женщину оскорбить может. Вот и будет всю жизнь один маяться – ни одна баба с ним не уживется!»

Мужик что-то забурчал, за нашим столиком неразличимое, ну а мне оставалось женщине ответить:

«Зачем слушать кого-то, когда рядом красавица сидит! Я, чтобы вас не разочаровывать, теперь каждый день буду бриться, брюки и рубашку гладить, под душем стоять в жару и в холод!»

Варюха прямо зардела: «Ой, какой вы интересный!» – сделала серьезное лицо, нагнулась ко мне поближе, – «А я вас подкармливать буду, вкусеньким!»

«Правда?» – изобразил я на лице восторг и удивление, – «А мне никто по голове в темном углу не заедет?»

«Никто!» – уверила новая знакомая, – «Здесь все деньги любят, а не женщин!»

«Неужели?» – искренне удивился, потому что деньги есть деньги, но они как раз нужны и зарабатываются для женщин, ради женщин! Однако озвучить убеждение не успел – Варю попросили к окошку раздачи. Она тут же со стульчика вскочила и побежала на рабочее место – к плите с кастрюлями и сковородками. Я посмотрел вслед и понял, что один доброжелатель

в артели у меня есть. Так же, как и один недруг – тот, что в данный момент сидит за соседним столиком.

Позавтракал я одним из первых, попросил у Варюхи остатков еды для собачки, и она тут же наполнила принесенную мною посуду; поблагодарил ее, и из столовой прошел к балку геолога артели. Сергея пришлось подождать, затем я получил рюкзак с пробными брезентовыми мешками, и тяжеленную сумку с зубилами, молотком и двумя разными по весу кувалдами средних размеров. Все это вдвоем приволокли к моему домику, и от него належке пошагали к карьере – показать, что и как я там должен делать. Чапа, быстро проглотив содержимое миски, побежал следом.

Карьер размерами не впечатлял по причине молодости – работа только разворачивалась по-настоящему. Котлован с вертикальными стенами, длинной за сто метров, шириной не больше двадцати, глубиной разной – от ровно пяти и меньше в местах, где взорванная порода еще не была убрана, а в дальнем конце даже не обурена скважинами. С ближнего к лагерю конца часть вертикального уступа срезана, выровнена и превращена в пологий въезд на дно карьера. Сразу за ним готовился к работе экскаватор на гусеничном ходу, а в дальней от въезда половине стояли два компрессора и оборудование для бурения неглубоких скважин под ВВ, в которые позже заложат и взорвут взрывчатку, чтобы породы раздробить.

Спустились вниз, и Сергей подвел меня к вертикальному уступу с правой, со стороны сопки, стороны карьера. Поискал глазами нужное место, прошел к нему и позвал меня:

«Видишь?» – согнувшись, ткнул рукой в бледно-белую линию, проведенную мелом по коренной породе под ногами, – «Я так наметил места, где нужно отобрать пробы.» Он выпрямился и обернулся ко мне: «Ну а ты их отбирать будешь, план карьера дам, на нем все места отбора показаны. Разберешься, не мне тебя учить».

«Разберусь, можешь не волноваться. Объясни только, для чего пробы отбирать, если здесь давно все разведано?»

Сергей усмехнулся:

«Сразу видно, что ты поисковик, а не добытчик!» Он начал высматривать еще какое-то интересное для нас место, одновременно меня просвещая: «Никакой разведкой, даже очень качественной, вами здесь проведенной (я как-то заикнулся, что объект открыт и разведан нашей партией), обойтись мы не можем. Данных не хватает – вы запасы золота считали в больших объемах породы, а границы рудного тела проводили по редким выработкам. Нам же нужно все знать в каждом конкретном месте. Ну как вот в этом», – кивнул головой на уже знакомую мне белую линию, – «Понятие есть – эксплуатационная разведка, и нам ее приходится вести. Иначе крах босякам – можно пустую породу вместо руды добыть, или наоборот – руду в пустой отвал вывалить».

Конечно то, что Сергей сейчас говорил, я в свое время учил в институте. Но так получилось, что разработка никогда меня не прельщала – поисковик я, бродяга-полевик по жизни, а потому кое-что в делах добычных успел подзабыть, и Сергей мне это показал. Оставалось к его словам прислушиваться и принимать их как наставление для дальнейшей работы.

Уже просвященного, геолог повел меня в другое место, потом еще в одно, продолжая объяснять детали предстоящего в них опробования. Все для меня было понятным, очевидным и даже немного скучноватым. Наверное поэтому в голове возникли мысли не по теме, и в какой-то момент я не удержался задать вопрос совсем не к месту:

«Сергей, а где упал парень, который у вас механиком был?»

«Какой парень?» – не сразу врубился геолог, но тут же понял о ком интересуюсь, – «Это который погиб?»

«Ну да», – кивнул я головой, и тут же заметил, что вопрос геологу не понравился – он поморщился, помолчал, и не глядя в мою сторону посоветовал с явным неудовольствием:

«Лучше тебе в то дело не лезть, жить спокойней будешь. И не вздумай у рабочих интересоваться – это кажется, что у нас тишь да благодать, на самом деле такие деятели есть – тюрьма по ним плачет!»

«Да ты что!» – продемонстрировал я удивление, но внутри, в душе, можно сказать даже обрадовался в предчувствии возможных интересных событий, потому что в словах Сергея проглядывал криминал здесь, в артели, где по моим представлениям его и быть не могло. А раз имел место, то не влезть в его расследование я не смогу точно. Но о таких намерениях сейчас лучше промолчать, что я и сделал. И задал вопрос, который геолог не мог посчитать для меня неинтересным: «А ты мне этих покажешь? По которым тюрьма плачет? Все же лучше заранее знать, с кем связываться не стоит.»

«Покажу», – пообещал геолог, но сразу же предупредил, – «только никому ни слова, даже друзьям твоим, когда появятся.»

Здесь мне пришлось сделать паузу – согласиться с условием Сергея я не мог. Ну никак – предупредить друзей о «нехороших» парнях я был обязан. Только сделаю это так осторожно, что на геолога подозрение в разглашении конфиденциальной информации не упадет.

Молчать до бесконечности я не мог – геолог ждал ответа. Как говорится, мяч был в моих руках, но я попытался отпасовать его в не совсем ожидаемую сторону:

«Ты считаешь, что они к гибели человека причастны?» – затронул я другую тему, понимая, что и здесь Сергей вряд ли захочет со мной откровенничать. Так и получилось: он долго молчал, рассматривал что-то вверху по границе карьера, потом показал рукой совсем не приметное место:

«Вон оттуда он загремел. Сам видишь, что не убиться не мог – пять метров высоты, внизу камни. А сам ли сиганул, или помог кто – судить не мне. Только менты все облазили, подозрительного ничего не нашли и посчитали дело несчастным случаем», – здесь он наконец-то обернулся в мою сторону, – «И тебе советую так считать, а с разговорами – ни к кому не приставать. Для твоего же спокойствия». Дал понять, что тему разговора пора сменить.

Мы ее и сменили – перешли на дела по работе. Но местечко на краю карьера, куда Сергей показал рукой, я запомнил. И решил к нему прогуляться вечером, разобраться, мог ли человек загреметь оттуда вниз без посторонней помощи.

Посмотрев все нужное в карьере, мы вернулись в лагерь, и в балке геолога, таком же, как у начальника, Сергей показал мне план горизонта на данный момент, места, где нужно отбирать пробы и в какой последовательности. В свое время в институте нас знакомили с добычей руды карьерным способом, с ее особенностями, преимуществами и недостатками. Сейчас я один существенный недостаток заметил: рудное тело длиной около сотни метров и шириной до шести залегало не вертикально, а под углом к горизонту градусов семьдесят, если не меньше. То-есть, по мере добычи, с увеличением глубины карьера, оно все больше и больше будет прижиматься к одной его стороне, к той, где сейчас впритык вздымается гряда довольно высоких сопок. И в какой-то момент карьер в эту сторону придется расширять обязательно, иначе до руды добраться станет невозможно. С Сергеем наблюдения поделился:

«А когда у вас по плану те горюшки сносить и карьер расширять? Работы много, и не окажется ли так, что большую часть сезона придется пустую породу убирать, а не рудой заниматься.»

Сергей посмотрел на меня с уважением, покачал головой:

«Классный ты спец, Юра,» – подтвердил то, что мне иногда говорили другие, – «только имей в виду – здесь ты не геолог, а простой работяга. И о наблюдениях кроме меня никому ни слова. Народ приехал деньги зарабатывать, не дай бог услышат, что будем не золотишко добывать, а пустую породу с одного места в другое перекладывать. Чтобы до руды только добраться. Голову открутят всем начальникам, и мне в первую очередь!»

Мне показалось, что в балке излишне жарко – спина определенно вспотела. Ну никак не ожидал, что дела здесь не просто сложные, а даже непредсказуемы, и что заработки наши, напрямую зависящие от количества поднятого из карьера золота, определяются не сложностью и тяжестью работы, а волей начальства – оно решает, сколько его добыть в этом сезоне, а сколько – только подготовить к добыче в сезоне следующем.

Над информацией Сергея не мешало попозже хорошенько подумать. Не стал больше отвлекать его на ненужные разговоры, получил еще несколько указаний и балок геолога покинул, чтобы подготовиться к физическим упражнениям с кувалдами, зубилами и раздробленной породой. Но это – после обеда, к которому тоже стоит подготовиться: отряхнуть пыль, переодеться и умыться.

В домике я быстро провел необходимую подготовку, и плюхнулся на кровать. На пять минут – осмыслить недавний разговор с геологом. Прежде всего, прикинул на глазок до какой глубины можно вести добычу руды в нынешних границах карьера. Получалось – вернее не получалось ничего хорошего. Ну протянем пол сезона, ну чуть больше, а потом все – долго и нудно придется убирать часть сопки, которая сейчас к карьере подходит вплитык. А ее высота метров двадцать, это ж сколько нужно пустой породы вначале взрывом разрушить, а потом и переместить в сторонку! И столько же придется поднимать уже из карьера при его расширении! А техники лишней – еще одного экскаватора я пока нигде не замечал. Получалось, что в ближайшем будущем вести работу на два фронта – и руду из карьера добывать, и сопку сносить, чтобы этот же карьер вовремя расширить, пока не планируется.

Может, все так и рассчитано? В начале сезона золотишко понемногу доставать – платить-то работягам нужно, да и на горючку, запчасти, деньги требуются. А потом все силы бросить на снос этой чертовой, мешающей сопки. Тогда о хороших заработках можно не мечтать – вторую половину сезона придется перекаладывать с места на место пустую породу.

Возможно я рассуждал слишком грубо – начальство всегда найдет, как вывернуться из щекотливой ситуации. Конечно, пол сезона заниматься только пустой породой невозможно – простые работяги вопросами замучают. Вот и спланируют в карьере ковыряться, но потихоньку. А основные силы бросить на снос сопки. И все это одним экскаватором?

Похоже, что так и есть – вон как Сергей на мои наблюдения отреагировал, и чуть ли не потребовал молчать в тряпочку. Он то наверняка планы начальства знает, да и сам в их числе значится.

А подозрительная смерть механика, случайно «упавшего» в карьер? А если и он догадался, что без второго экскаватора за сезон заработаем гроши? Поднял вопрос там, где не нужно? И за это поплатился?

Стоп – остановил себя. Так можно черт до чего додуматься. Вот фантазер! Дня не проработал, толком и узнать ничего не успел – а выводы уже сделал, причем в худшем варианте! Нельзя, нужно охладиться и по крайней мере немного поработать, приглядываясь к ситуации. Ребят дождаться, с ними посоветоваться.

Вскочил с кровати: «Здесь будь!» – приказал Чапе, и побежал в столовую, прогоняя из головы тревожащие мысли.

Часть четвертая

Два дня махал кувалдой, отбирая пробы в намеченных Сергеем местах. Пару раз он ко мне навевался, проверял все ли я делаю качественно, и тут же уходил, не сделав никаких замечаний. Конечно, монотонная работа не очень радовала, но потихоньку начал втягиваться, как в нее, так и в длинный двенадцати часовой рабочий день. С непривычки уставал, но по вечерам находил силы пробежаться вблизи лагеря. Обошел карьер, заглядывая вниз, нашел и внимательно осмотрел место, с которого, по словам Сергея, недавно упал и разбился насмерть механик артели. Ничего интересного не заметил, кроме маленькой железной пирамидки с небольшим крестом на верхушке. Глянув вниз, понял, что спускаться в карьер и пытаться найти что-то там – бесполезно: на моих глазах в нужном месте бульдозер сгребал в кучу разбросанные камни, уничтожая последние свидетельства недавней трагедии, если они там еще оставались.

Честно говоря, без привычного общения с друзьями, коллегами по прошлой работе, было скучновато. Конечно, число знакомых на новом месте увеличилось, но, как я уже отмечал, они не отличались общительностью – ремонт техники после рабочей смены забирал остатки свободного времени. И близости, не говоря о дружбе, пока не намечалось. Только в столовой пампушечка-повариха Варюха искренне мне улыбалась, лежала в миску кусочек повкуснее и поаппетитней, не пропускала возможности поговорить о пустяках. А в домике каждый раз встречали щебетаньем две птички, однако дел своих не бросали и меня не боялись нисколько. До самочки, когда та сидела в уже отстроеном гнезде, я осторожно дотронулся пальцем, и она не улетела, а только тихонько пискнула.

Вечером третьего дня начал обустраивать жилище. Пристроил одностволку в укромном месте, которое сразу и не найдешь, прикрепил под гнездом ласточек фанерку, чтобы отходы их жизни и деятельности падали на нее, а не на пол, и начал из разномастных обрезков досок сколачивать подобие стола и табуретки. За этим занятием застала меня Варя – постучала в распахнутую дверь, на что Чапа не гавкнул, а закрутил обрубок – уже догадался, кто его кормилица. Переступила порог и сразу же увидела пернатых постояльцев, отметивших ее появление привычным пересвистом:

«Ой, ласточки у вас поселились! Значит, человек вы хороший, и они это поняли!» С улыбкой оглядела помещение и произведения моего столярного мастерства:

«Неуютно у вас!» – отметила реальность, и посоветовала, – «Занавесочки на окно нужно повесить, и марлю на дверь, чтобы комары вечером не закусали».

Я конечно, заулыбался, показал рукой, чтобы садилась на кровать – а больше и некуда, и разговор поддержал:

«Да, на окно и дверь повесить что-то нужно. А стены не мешает обоями оклеить, грязь под ними скрыть.»

«Правильно», – согласилась женщина, уже устроившись на кровать и поглаживая примостившегося рядом Чапу, – «как другие, в грязи вы жить точно не будете! Это нашим (наверное, имела ввиду рабочих) ничего не нужно, есть кровать и ладно. В домик зайти невозможно, грязь сплошная, да запах не приведи господи!» Она еще раз внимательно осмотрела жилище, и как дело решенное, констатировала: «Занавесочки я принесу, а обои придется заказать, что б привезли». Повернулась ко мне: «Только что б к вам никого не подселили! А если и найдут кого – вас слушался и чистоту поддерживал!»

Я не мог не рассмеяться, услышав столь откровенную заботу о моей персоне:

«Варя, я же геологом работал, постоянно по отрядам мотался! И конечно», – здесь я имел возможность сообщить женщине о моем статусе женатого человека, – «жена все эти шторки,

занавесочки и клееночки в рюкзак мне запихнула. Так что все есть, кроме обоев. А за участие – тебе большое спасибо!»

«Не за что благодарить-то,» – Варя грустно вздохнула, – «хотела вам приятное сделать, а не получилось.» И приняв вид, что внимательно рассматривает стены, высказалась обо мне и моей половине: «Хорошая у вас жена, обо всем подумала. И красивая наверное,» – улыбнулась и посмотрела на меня, – «у такого мужчины другой и быть не может!»

«Жена как жена», – начал я менять тему, – «но и она предусмотреть все не могла. Кое о чем тебя попросить придется».

«О чем это?» – на лице женщины мелькнула надежда.

«Нет у меня тазика и тряпки, пол протирать», – нашел для Вари возможность что-то для меня сделать, и перешел к главному, – «и расскажи, что за люди здесь собрались, с кем дружить можно, а от кого лучше подальше держаться.»

«Ведро старенькое и тряпку я вам завтра подберу. Если хотите, и пол в домике помою!» – бодро начала с улыбкой, а дальше с удовольствием рассказала все о работагах, давая каждому характеристику с чисто женской точки зрения.

Теперь я знал, с кем из артельских можно подружиться, с кем не стоит, а от кого лучше держаться подальше. Последних оказалось еще трое – это без того, о котором я узнал в первое посещение вагончика-столовой. Очень полезная информация, когда в коллектив только вписываешься. А дальше в нужный момент задал для меня главный вопрос:

«Варя, а что здесь недавно случилось, почему человек в карьер упал и разбился?»

Женщина сделала большие глаза, уставилась на меня с испугом, и перешла почти на шепот:

«Не спрашивай ни у кого о том парне! Не знаешь ничего – и живи спокойно!»

С ее желанием я не согласился. Подошел к кровати, сел рядом:

«Варя, я же знаю, что дело не чистое. Парень-то хороший был, или за дело в карьер упал?»

«Ничего не знаю!» – Варя замотала головой все с тем же испугом на лице, – «Он не простым рабочим был, он вокруг начальства крутился! Что для него повариха какая-то!»

«Повариха в любом лагере главное лицо и есть», – попытался комплиментом успокоить мою теперь больше чем знакомую – почти подругу, – «И не волнуйся так, все что скажешь – между нами останется.»

Варя притихла, начала успокаиваться, проявления страха быстро исчезали с лица. Глядя на меня, покрутила головой, еще раз продемонстрировав озабоченность, а может и опасность нашей беседы, перевела взгляд вниз на колени – на кисти рук с нервно сжатыми пальцами, и начала на мой главный вопрос отвечать:

«Хороший парень был, с начальником ругался, за рабочих. Хотел, чтобы все зарабатывали хорошо, а только что сделать собирался – не знаю. Ну а начальник терпел-терпел, потом «бандюков» натравливать на него стал». Подняла голову: «Тех, что я тебе говорила». Снова опустила голову, разглядывая руки: «А потом этот парень и разбился».

«Ты его видела, мертвого?» – решился на очень неприятный для женщины вопрос.

Вначале Варя отнеслась к нему без особых эмоций: «Тогда все в карьер бежали, ну и я тоже». Дальше посмотрела на меня так, что не заметить на лице давние, очень неприятные душевные переживания, было невозможно: «Он прямо головой о камни ударился, как будто в воду нырял. Кровищи вокруг – жуть!»

Сейчас я понял, что неприятный разговор пора кончать. Конечно, еще не все она сказала, но нужно знать меру. Вон как женщина распереживалась! Но и отпустить ее домой в таком состоянии я не мог – Варя помочь мне пришла, может с надеждой на кое-что интимное, а я ей настроение испортил. Подлец такой!

«Ладно, Варя, хватит о грустном!» – обнял девушку одной рукой и слегка прижал к себе, – «Покажи лучше, где ты живешь, что бы знать, куда в гости идти!»

Варя заулыбалась и отстранилась от меня не сразу – вначале глянув на дверь и убедившись, что она распахнута, и даже не имеет крючка закрыться изнутри.

«Ой, побежала я», – с сожалением пролепетала, и начала подниматься с кровати, – «а то меня сейчас искать прибегут!» Но о моей просьбе не забыла: «Тряпку и ведро я завтра подберу. И домик свой покажу, когда время придет!» – это пообещала, уже из моего жилища выскочив.

Уф, вздохнул я с некоторым облегчением. И в глубине души улыбнулся: хорошая Варюха женщина, хочешь – не хочешь, а как мужчина, водить ее за нос до бесконечности не могу. Согрешить придется – по дружбе, и никак иначе. В данной ситуации изменой – жене конечно – даже не пахнет. С учетом, что в последнее время на мои естественные попытки приласкать в кровати, та почему то часто недовольно вздыхала и старалась отвернуться в надежде, что до следующих действий дело не дойдет. Интим ее интересовал в меньшей мере, чем был необходим мне.

Столярные работы я продолжил, но теперь и голове нашлось дело: еще раз вспоминал разговор с Варей, выбирал, осмысливал и раскладывал по полочкам немногие, но очень интересные для меня фактики. Сейчас почти не сомневался, что недавняя смерть механика не несчастный случай, а заранее спланированное убийство. По другому не получалось: на человека вначале натравливают, по словам Вари, «бандюков», потом он оказывается в таком месте, где ему нечего делать – на краю карьера и не в его начале, а в средней части, где глубина приличная, после чего невероятным образом ухитряется упасть вниз и приземлиться точно на голову. Быть такого не может! Кстати, к «бандюкам» не мешает присмотреться. С одним – тем, кто при первом посещении вагончика-столовой советовал Варе держаться от меня подальше, разговаривать придется точно. Не оставит он меня в покое, имея на женщину определенные виды. А он их имеет, о чем предупредил откровенно.

А начальник-то артели! Не зря, не зря Сергей Логинов советовал мне не лезть куда не положено, и домыслы свои – что скоро придется не руду добывать, а сопку, мешающую карьер расширить, срезать и перевозить куда-то в сторону – молча держать в собственной головке. Чтобы принудительно не нырнуть вниз карьера с его обрыва. Ну как бывший механик, который похож мужиком был не только настырным, но и сообразительным, замыслы руководителей артели понял и не побоялся о них заговорить. За что и поплатился.

От неприятных мыслей настроение испортилось. Попал черт те куда, и что делать дальше? Сразу и не придумаешь, но ребят дожидаться нужно. Они, кстати, завтра обещали здесь появиться.

Часть пятая

Ребята не обманули. Утром я разогреться кувалдой не успел, как они появились в карьере. Первым их увидел Чапа, устроившийся в тени откоса: радостно взвизгнул и пустился навстречу. Подошли с улыбками до ушей – радуются жизни, после встречи с Николаем Игнатовичем, начальником артели! Разговор между ними по всему видно получился содержательным – вон как эмоции переполняют!

Владимир первым протянул руку:

«Привет, старатель!» – понизил меня в звании с капитана геологии до рядового смежной отрасли хозяйства, – «Как дела, рублики из-под молотка напрямую не выскакивают?»

«Подожди о деньгах!» – перебил его Дока, дождавшись своей очереди пожать мне руку, – «По горкам вокруг лагеря пробежаться нашел время? Как с животиной – пасется кто, или пусто?»

Показали приятели, кто чем дышит! Владимир приехал с надеждой хорошо заработать, Дока – просто жить, как жил и раньше: не пропустить любой возможности сбежать в горки с ружьем. Не определившись, кому из них отвечать в первую очередь, я перешел на более важную тему:

«С начальником вы уже говорили. Давайте, колитесь – подробно и в деталях».

«Да нормально все!» – не упустил первенства Владимир, – «На работу берут, в конце сезона денежку хорошую обещают!»

«И тебя тоже?» – поинтересовался у Доки, которому его приятель мог вообще не дать раскрыть рта.

«Ага», – кивнул тот головой, – «буду вроде механика, технику смотреть и помогать ремонтировать».

«Ну, ну», – с показной внимательностью осмотрел их лучезарные рожи, – «на большой каравай ротики не разевайте!»

Как по команде, на физиономиях друзей проявились большие вопросительные знаки: это о чем таком я заикаюсь? Владимир немедля свой знак озвучил:

«А что такое? Ты уже раскопал что-то, или нам просто голову морочишь?» Обернулся к стоящему рядом с мнением в мой адрес: «У него от скуки и невозможности покомандовать воспаление мозжечка случилось. Слышишь, ахинею нести начинает?»

Ничего другого услышать от Владимира я и не рассчитывал. Он же с «большим начальником» беседовал, столько приятного услышал и о своей работе, и о заработках! Что для него фантазии какой-то мелкой вроде меня сошки! Дока хмыкнул, и больше веря в то, что я редко ошибаюсь в суждениях о вещах сложных и непонятных, молча посмотрел мне в глаза. Пришлось надежды и радость ребят немного умерить:

«Даже если у меня мозги и впрямь не в порядке, то все же кое-что еще могут. «Темнит» начальство артели, не удивлюсь если и по крупному. Так что на большие деньги сильно не рассчитывайте».

Ребята в момент стали серьезными, начали между собой переглядываться, бросать и на меня подозрительные взгляды. Первым, понятно, не выдержал Владимир:

«Давай говори, что раскопал! Только не преувеличивай, как это умеешь!»

И что мне оставалось? Выложить подозрения насчет будущих хороших заработков, если немедленно, прямо сейчас, не запустить в работу второй экскаватор, чтобы одновременно с добычей руды сносить часть сопки, прилегающей к карьере и мешающей его развитию. Рассказал и о недавней смерти человека, на место которого Доку и принимают.

Приятелей озадачил, но ненадолго. Подумав и почесав затылок, Владимир высказал свое мнение, по теме моих измышлений:

«Может, врешь ты все? Ну ладно, не врешь, просто фантазия разыгралась – три дня кувалдой махал – для головы дел не нашлось, вот и напридумывал всякого!» Здесь у него сомнения перешли в убеждения, и уже твердо Доке предложил: «Поменьше надо его», – то есть меня, – «слушать. Еще и не поработал толком! Да за такое время понять ничего невозможно, а у него уже все по полочкам разложено!» Ну конечно, не верить начальнику для Владимира просто невозможно!

«Ты, Юра, не торопись выводы делать», – предостерег меня и Дока, – «Может, и экскаватор второй скоро появится, и карьер начнут расширять куда положено. Начальник-то с тобой по таким делам советоваться не будет, не забывай – ты теперь простой работяга!» – даже смерть своего предшественника проигнорировал! И это мой верный напарник, к тому же любитель детективных историй!

Я только вздохнул: может и правы ребята, но свои подозрения сейчас, когда они могут дать задний ход, не высказать не мог. Пришлось напомнить и о лично моей ответственности за их судьбы – я то организовал затею с артелью, с меня и спрос, если всех нас элементарно как сейчас говорят «кинут». В итоге после недолгих переговоров пришли к решению: ребята в артель приезжают, как договорились – через три дня. Поработаем, осмотримся, а потом подумаем, что делать дальше. Но дурить нас пусть не мечтают, что-что, а за себя постоять сумеем. Мало кое-кому не покажется!

Через три дня они устраивались у меня в домике. Познакомились с пернатými постояльцами, которые их несколько не напугались, пообщались между собой одни на человеческом, другие на птичьем языках. Притащили кровати и постели, Чапину подстилку передвинули поближе к моему лежбищу. Владимир соорудил полочку, сбегал к карьере за ящиками из-под ВВ. В один из них сложил свои вещи, другой пододвинул к кровати Доки, заметив: «Уже смылся, не мог вначале устроиться нормально!» – за время его отсутствия тот успел куда-то исчезнуть.

Рассмешил меня Володя! Какое для Доки устройство, какой порядок! Вначале нужно вокруг лагеря побегать по горкам, посмотреть кто и сколько особей в них водится, и можно ли в случае нужды одну добыть для пропитания! В этом весь наш непоседа, и перевоспитывать его не стоит даже пытаться.

Но, когда сумерки сгустились, и разглядеть любой предмет стало возможным лишь под самым носом, когда мы его уже «заждались», в домике пропавший объявился. Владимир на него накинулся не медля:

«Ты совесть имеешь, или нет? Куда смылся, где пропал столько времени? Мы что, поиски должны организовывать?»

Зная Доку, я смотрел на него и улыбался: ну не может он по другому, и все тут. Такой он человек, и возмущаться, обижаться бесполезно – горбатого исправит могила.

Непоседа и не собирался оправдываться:

«Да ладно тебе! Что я, маленький!» – это он Владимиру. А мне с горящими как у гончей глазами: «Сайги стадо рядом бегают! Самих не видел, но следы нашел!»

Пришлось Доке напомнить:

«Рабочий день – двенадцать часов, и после него еще придется что-то делать. Забудь на время и о сайге, и об охоте».

На глазах технарь погрузился, а Владимир добил его окончательно: «Ты сейчас не о сайге думай, а как из артели не вылететь, у тебя десять дней срок испытательный!»

«Понимаю все», – покаялся нарушитель спокойствия, – «только поделаться с собой ничего не могу. В горки как магнитом тянет!» Понял, для чего возле кровати ящик из-под ВВ, на наших глазах молча переложил в него вещи из рюкзака, задвинул под кровать, и повернулся в мою с Владимиром сторону, держа в руке непонятно откуда нарисовавшуюся бутылку бормотухи:

«Обмыть это дело нужно, что б удача не сбежала куда подальше».

В артели сухой закон, но я промолчал. Владимир покрутил головой то на меня, то на Доку, и не придумал лучшего, как местный порядок подтвердить: «Так пить здесь нельзя!»

« И не пей, это дело мы с Юрой провернем! А ты дверь прикрой и поддержи, что бы к нам никто лишний не ввалился!»

Владимир обреченно махнул рукой, но дверь прикрыл. И в распитии бормотухи участвовал как равный собутыльник. Так мы незаконно отметили начало новой жизни и работы.

Часть шестая

Неделю наша троица отпахала без замечаний. Мне и Владимиру было полегче, вернее повеселее, потому что вкалывали в паре, а дело хорошо знакомо, Сергей нас и контролировать перестал. Мои же слова насчет подозрительного бездействия начальства артели в плане необходимости расширения карьера Владимир помнил отлично, и втихаря – чтобы я не заметил – начал приглядываться. Шлялся из одного его конца в другой, отмечал, где обнажается рудное тело, что-то в голове прикидывал и высчитывал, с задумчивым видом шевелил губами. Поведение помощника меня удивляло – Владимир всегда доверял начальству, не говоря о представителях милиции, а сейчас демонстрировал сомнения в их непогрешимости. Наконец решился со мной поделиться:

«Слышь,Юр,» – начал во время перекура, – «я тут полазил везде, и похоже прав ты, карьер расширять нужно. Иначе точно хорошо не заработаем. Только нас из артели турнут, если единственный экскаватор наверх поднимут сопки срезать: работа для нас кончится – опробовать будет нечего!»

«Дошло наконец-то!» – похвалил приятеля за сообразительность, – «И что предлагаешь? К Сергею, или сразу к Николаю Игнатовичу обратиться, рассказать о твоих озарениях?»

«Прямо так вот, сразу!» – возмутился единственный мой подчиненный в артели, – «Покумекать нужно, с Докой посоветоваться – он же теперь с начальством рядом, может что о втором экскаваторе слышал. Ну о том, что б сопку сносить, не останавливая работы в карьере.»

«Без Доки не обойтись», – это я и без Владимира понял, – «только вряд ли с ним будут на эту тему советовать.»

«Сейчас не знает – узнает попозже. Нам на это дело его настроить – при случае у начальника поинтересовался, как бы случайно, между делом», – с еще одной правильной мыслью помощника я согласился, кивнув головой. Добавил одно:

«Только не сейчас. Испытательный срок кончится, Дока официально станет механиком – вот тогда и поинтересуется. А может и спрашивать не придется, если второй экскаватор уже запланирован и где-то к нам на подходе».

«Дай-то бог», – попросил Владимир поддержки у высших сил; бросил сигарету и вооружился кувалдой. Все-таки поверил в мои фантазии, потому что касались и его лично.

Вечером вдвоем двинулись в столовую на ужин – как обычно, Дока задерживался. А я прихватил с собой мусорное ведро, презентованное поварихой Варей.

«Его-то зачем?» – заинтересовался приятель.

«На стены смотреть противно», – дал понять, что предстоит работа, – «бумагу вы из партии привезли, а до конца дело довести все не можем».

«После ужина займемся», – согласился Владимир, – «и без Доки обойдемся.»

В столовой Варя нам поулыбалась, положила кусочки поаппетитней, и в подходящий момент я попросил, если можно, в ведре развести клейстер. Она тут же посудину к себе унесла, и когда чревоугодничать мы заканчивали, вернула к нашему столику, уже закрытую сверху тряпицей.

«Спасибо, Варюша,» – за двоих поблагодарил ее Владимир, – «приходи в гости, как освободишься, чайку попьем, о жизни поговорим!»

«Приду, приду», – пообещала веселая пампушечка, – «посмотрю, на что вы в домашних делах способны!»

До темноты состоятельность, как мужиков хозяйственных, мы с Владимиром доказывали, вначале сдирая со стен домика куски древних обоев, затем оклеивая их полосами оберточной бумаги, привезенной ребятами из партии. Постояльцы из гнезда внимательно следили за нашими действиями, изредка что-то между собой прочиркивая. Из домика несколько раз

вылетал, как мы полагали самец, быстро возвращался и передавал своей подруге пойманных козявок. Из чего напрашивался вывод, что та уже занимается откладкой яиц.

В конце операции вымыли пол, расставили по местам кровати, стол, ящики из-под ВВ с личными вещами. И плюхнулись на постели, демонстрируя усталость от проделанной работы. Все, отмаялись!.. и тут в домик ввалился наш самый занятый – Дока. Осмотрел красивые стены, глянул на нас с Владимиром, артистично демонстрирующим отсутствие сил даже на разговоры, и посчитал невозможным отмолчаться:

«Хорошо наклеили, ровненько», – расщедрился на комплимент, и тут же возмутился, – «А меня что, подождать не могли?»

«Могли, конечно», – голосом мученика прошептал Владимир, – «только не знали, что так быстро объявишься. Надеялись к утру, не раньше». Дальше скрывать эмоции не мог и громко потребовал объяснений: «Где шлялся столько времени? Опять в горки бегал, сайгу ловил?»

Дока, как и мы, устроился на кровати:

«Какие сопки, какая сайга! Работы невпроворот!» – здесь он сотворил хитрую рожу, – «А потом – с мужиками поговорил, кое-что интересное выяснил».

«Что?» – вырвалось у «замученных» домашними делами синхронно, и из положения на кроватях полулежа, мы мигом на них же уселись.

Дока чуток повыпендривался, хитро на нас поглядывая, пока желание выложиться не победило:

«Я с экскаватором возился, помогал работяге деталь важную поменять. Ну и поговорили, по душам». Здесь он собрался сделать очередную интригующую паузу, но Владимир его намерение понял:

«Кончай комедию гнуть» – посоветовал приятелю, и тому не оставалось иного, как продолжить:

«Мужик всю жизнь по артелям мотается, что и как делается – знает отлично. Вот я и поинтересовался, не маловато ли для нашей артели одного экскаватора. И насчет сопки, которую убирать придется, намекнул». Дока опять замолчал, а Владимир опять же не выдержал:

«Да не тяни ты! Не девок охмуряешь, твои приколы нас мало интересуют! Суть дела давай!»

«А я что, не даю, что-ли?» – возмутился приятель, но важную тему продолжил: «Мужик мне и говорит: второй экскаватор с самого начала нужен был, без него обойтись ну просто невозможно. Сейчас еще как-то крутимся, то руду из карьера в рудный отвал складуем, то пустую породу из него же убираем. А будь второй экскаватор – могли бы все делать параллельно со сносом этой самой сопки, эффективность работ поднять в два раза. А дальше будет еще хуже – единственный наш экскаватор придется гнать к отвалу уже поднятую руду в машины грузить, когда придет время везти ее к железной дороге. Вот тогда все и поймут, что денег хороших в этом сезоне не заработаем точно – карьер-то остановится».

«Вот гады!» – выплеснулся Владимир, не дав Доки договорить до конца, – «Точно хотят работяг кинуть!» – неужели он так о начальстве? Позыркал на меня, на приятеля, и задал главный для всех нас вопрос: «И что делать будем?»

«Спокойными оставаться», – посоветовал слишком быстро возбуждающемуся, – «ты ему», – кивнул на Доку, – «договорить до конца не даешь. Давай вначале выслушаем, а потом будем решать, что делать.»

«А он всегда так, впереди батьки ...» – поддержал меня Дока, и продолжил, – «Потом мужик мне и говорит, что о втором экскаваторе начальник где-то переговоры ведет, только пока ничего не получается. Из-за неразберихи в стране – сложно стало насчет ерунды договориться, а уж экскаватор сейчас – на вес золота. Такие вот дела». Здесь Дока вздохнул, и показал, что в этом деле некоторые сомнения есть и у него: «Может и правда достать экскаватор не получается, а может просто этими словами прикрываются».

В информации Доки не все сходилось. Сергей-то, геолог артели, взял меня на работу не только отбирать пробы, а и замещать его каждый месяц на пять-семь дней. Это когда будет он где-то у черта на куличиках утрясать бумаги по уже добытой и отправленной на комбинат руде. То-есть, каждый месяц руду из нашего рудного отвала к железной дороге увозят, экскаватор в этой операции задействуют. И ничего, карьер потихоньку работает. Значит, операция много времени не занимает, ну дня два-три. А экскаваторщик наш просто преувеличивает ее значимость.

Дока высказался и замолчал, Владимир почему-то молчал тоже, и оба смотрели на третьего, ожидая услышать мое мнение.

«Преувеличивает работяга», – повернулся я к Доке, – «Конечно, второй экскаватор нужен, это понятно. Но что начнут руду возить к железке и карьер станет – глупость очевидная. В нем всегда есть где скважины бурить под взрыв, где что-то сгребать и разравнивать бульдозером. Да только взорвать, а потом завалы от взрыва расчистить, экскаватор из карьера нужно убрать на день! И спланируют так, что в карьере взрывные работы, а экскаватор на рудном отвале, в самосвалы руду грузит, везти к железке.»

Дока пожал плечами: «Может и преувеличивает, тебе видней», – вспомнил смешное, улыбнулся, – «Мужики тебя головастиком прозвали, заметили, что мозги хорошо работают!»

Владимира мое мнение не успокоило, но вначале он отреагировал на «головастика»:

«Точно работяги подметили! И мы его на работе меж собой так называли, втихаря конечно – все ж начальником был!» Повернулся ко мне и подтвердил, что недавно зародившиеся у него сомнения в искренности намерений руководства трансформировались в твердую уверенность: «Экскаваторщик может и приврал малость, но в остальном прав! Нет второго экскаватора – нет хороших заработков. Что делать будем?»

«Работать, как и положено», – на правах «головастика» предложил я решение, – «И не трепаться с кем попало. Посмотрим, как дальше пойдет, вот тогда и решим что делать.»

У меня к Доке наклюнулся еще один вопрос: не говорил ли он с тем же экскаваторщиком насчет смерти своего предшественника, нырнувшего с верха карьера вниз не солдатиком, а ласточкой. Дока отрицательно мотнул головой, и ...послышался стук в дверь, затем она распахнулась, показалась улыбающаяся Варя. Как по команде, с кроватей мы соскочили, на лицах изобразили улыбки, и чуть ли не хором пригласили войти. Дальше три мужика изошрялись в комплиментах, анекдотах, ухаживаниях и исполнении любых желаний нашей гостьи. Был конечно чай, приятные разговоры и полное удовлетворение сторон результатом общения. Как мало нужно для простой человеческой радости!

Часть седьмая

Время летело. Оглянуться не успели – позади вторая неделя. Я и Владимир в упражнениях с зубилами и кувалдами дошли до автоматизма, когда задействованы только руки, а голова не при деле. И появилось немного свободного времени, а с ним и возможность оглядеться, полазить по карьере и получше разобраться, где руда, где пустые породы, как их планируют дробить взрывчаткой и поднимать «на гора». Кое с кем из работяг, занятых рядом, познакомились поближе, узнали чем занимается каждый, потолкались возле агрегатов, которые они обслуживают и убедились, что здесь для нас ничего нового – точно такие были и в партии.

А через день технику из карьера начали вытаскивать – очередной массив пород закончили обуривать, осталось в скважины заложить взрывчатку и ее взорвать, не повредив при этом дорогушие машины разлетающимися каменюками. В опробовании поневоле приходилось делать паузу, и Владимира тут же отправили в помощь Доке, на площадку для ремонта техники; меня Сергей пригласил к себе в балок.

«Хорошая фазенда», – разглядел я на этот раз помещение получше, чего не успел раньше, хотя был здесь два раза, но все спешно, по делу. Сергей показал мне на стул – «садись» – и занялся банкой с водой и кипятильником, готовя чаепитие. То-есть, не спешил, и я продолжил знакомство с интерьером его убежища.

«С кем живешь?» – поинтересовался насчет второй кровати, более аккуратно заправленной, с чистым отглаженным покрывалом.

«Один маюсь», – вздохнул геолог, – «а эта», – кивнул на предмет моего интереса, – «жена иногда приезжает. Только редко очень, и больше двух дней не выдерживает, она у меня городской житель». Загремел посудой, доставая ее из примитивного шкафчика, и продолжил тему «женщина в полевом лагере»: «Плохо мужикам одним, сам знаешь. А у нас всего две поварихи, вот каждый к ним и лезет, прямо беда. Слава богу, пока без мордобоев обходится, но это ненадолго. Так что,» – махнул мне рукой, чтобы сядил поближе к столу, – «с поварихами поосторожней. Я-то заметил – одна на тебя глаз положила, а кандидатов в любовники для нее больше, чем надо».

«Между нами ничего такого, иногда поболтаем по дружески, и все», – понесло на откровенность, в данный момент на истинную правду насчет отношений с пампушечкой Варей. Хотя, конечно, желания у меня были отнюдь не платонические. Как у любого мужчины, полмесяца провалявшегося в постели один-одинешенек.

«Это пока», – Сергей хохотнул, – «оглянуться не успеете, как в кровати окажетесь. Впрочем, что это я, с советами. Трахайся на здоровье, баба хорошая. Но о соперниках не забывай, могут и морду набить!»

«Еще неясно кто кому», – согласился я с возможностью разборки, но и геологу напомнил, что слабаком себя не считаю.

Ароматный напиток посмаковали, Сергей посуду со стола убрал и разложил на нем знакомый мне план карьера.

«Завтра я должен в город ехать – с бумажками по кабинетам мотаться, срочные пробы на золото в лабораторию сдать» – посвятил в свои ближайшие планы, и перешел на мои задачи, – «Ты за меня остаешься. Вечером в карьере скважины взорвут, а утром посмотришь, и если к пустой породе руда прилепилась, наметишь дополнительно перфоратором дырки сделать, отбить ее ровненько, как положено». Я кивнул головой – понял, замечано: «Бульдозером расчистят проезды от камней, и экскаватор снова вниз потянут, породу в пустой отвал убирать. А ты по этим вот линиям», – показал мне на плане карьера, – «вынесешь новые скважины», – как я заметил, буриться они будут по руде, а не по вмещающим породам, – «Смотри, привязку скважин проверяй внимательно, проектные глубины записывай в журналы каждому мастеру.

Дело ответственное, никакие ошибки не допускаются. И поторапливайся, техника простаивать ни минуты не должна».

Вот так-то. Получил взаимно исключаящие указания: делать все быстро, не допустить простоев людей и техники, и в то же время все проверять и проверять, на что нужно время и время. Ладно, не впервой. И в родной партии такое случалось частенько, так что опыт «рулить ситуацию» у меня есть, не пропадем.

Копию плана карьера с намеченными скважинами я забрал с собой в домик, и вечером поломал над ним голову, прикидывая, что и как буду завтра делать.

Утром пораньше прибежал в столовую, и Варюха меня вкусно накормила, выложила последние новости. Я ей поулыбался, рассказы послушал, но в пол уха – голову занимала предстоящая работа. И в сопровождении Чапы побегал в карьер знакомиться с ситуацией после взрывных работ. Добраться без приключений не получилось – пророчество Сергея насчет возможности получить «по башке» за повышенный интерес к женскому полу начало сбываться. На пол пути остановил тот по словам Вари «бандюка», который при первой моей встрече с женщиной в столовой посоветовал ей держаться от «свежечка», то-есть меня, подальше. Довольно грубо остановил – вытянул ногу, когда поздно было тормозить, я за нее запнулся и с трудом ухитрился не загреметь вверх ногами.

«Слышь, ты, шестерка очкарика», – усугубил «старый недруг» ситуацию, дав мне неприличную характеристику как помощника Сергея, который и был «очкариком», – «к бабе моей не лезь, не для тебя ягодка!»

Разозлил меня капитально, даже больше: «достал». И если злым можно на дурака не обращать внимания, то когда «достал» – положено ответить, можно и физически. Но вначале я это сделал словесно:

«Ну, ты, чебурашка,» – отплатил не менее оскорбительно для здорового амбала, – «рот закрой и перестань дышать на меня тухлятиной!» – добавил совсем запредельно, – «У тебя что, денег на зубную щетку не хватает?» Знал ведь, что сейчас мне попробуют засветить в физиономию, но по другому ответить не мог. Не ошибся:

«Ах ты гнида!» – заорал «бандюга», хватаясь левой рукой за рабочую куртку на моей груди, а правую отводя назад, чтобы размаха хватило для нокаута, – «Да я тебя сейчас без зубов оставлю, тварь паскудная!»

Теперь у меня не осталось времени на совет ограничиться словами, без этого вот махания. И хотя мужик габаритами и накаченными мускулами впечатлял, должной гибкости, быстрой реакции, поневоле приобретаемой каждым полевиком-геологом в постоянных физических упражнениях на спусках и подъемах среди скал, обрывов, осыпей в горах, я у него не заметил. Эдакий по размерам медведь, но с реакцией ленивца. Вдобавок медведь не знал, что в присутствии Чапы посторонним орать на меня нельзя. А потому получил то, чего добивался: собачуха рыкнул и вцепился ему в ногу. Мне оставалось сделать простое: левую руку, раз мордovorоту хотелось за меня подержаться, я перехватил за кисть своей тоже левой и еще сильнее прижал к груди, затем резко крутанул корпусом справа налево, одновременно прикрыв свободной правой голову от летящего к ней кулака. «Бандюга» с прозвищем «Милочка» – фамилия у него такая, совсем неподходящая: Милочкин – конечно попытался врезал мне кулаком, но попал в подставленную руку, и тут же взвизгнул и замер истуканом: Чапа зубами держал его за штанину, а левая рука, которую я крепко прижимал к своей груди, теперь оказалась вытянутой и я всей массой давил на нее в области локтя на излом, грозя в любой миг по желанию сломать или вывихнуть.

«Отпусти сука!» – заорал «Милочка»; но дергаться не решался, наверно делать это было больно, – «Собаку отгони!».

«Другой раз сунешься – голову отверну! А собака яйца откусит!» – пообещал слишком «крутому», и от себя оттолкнул, оставив со слегка травмированной, в полурбочем состоянии,

верхней конечностью. Ничего, перебьется. Пошагал к карьере не оглядываясь – уверен был, что продолжить разборку противник больше не способен. Чапа за мной, с грозным порыванием.

День крутился как заведенный, выполняя поручения геолога, по несколько раз свои действия проверяя и перепроверяя. Простоя техники не допустил ни минуты, за что удосужился похвалы от ребят: краем уха услышал, что «парень» я «нормальный, без гонора и закидывов». И даже забыл о неприятном инциденте с «Милочкой».

А вечером, когда вернулись в домик с ужина, наш главный технарь Дока, словно меня здесь и нет, персонально Владимиру сообщил:

«Шеф наш» – так меня норовил назвать при отсутствии посторонних, – «отличился сегодня. Мужика чуть в больницу не отправил».

«Какого мужика?» – удивился Владимир, – «Он же», – то-есть я, – «сегодня не кувалдой махал, а работой творческой занимался, скважины в карьере намечал!»

«Вот и переусердствовал», – хмыкнул приятель, – «теперь бандит местный, «Милочка», руку на перевязи носит, и кое-кого подбивает шефу темную устроить!»

Слова Доки Владимир понял правильно, и повернул голову в мою сторону:

«Из-за Варюхи схлестнулись», – подтвердил сей очевидный факт, и посмотрел повеселее, – «Не бойсь, в обиду не дадим!» – повернулся к Доке, – «Так ведь, Брюс Ли наш недоделанный?» Это он Доку похвалил, потому что тот когда-то занимался карате и имел какой-то там пояс. А мне в свое время дал несколько уроков, один из которых очень кстати сегодня пришлось вспомнить.

«А я уже пообещал ...вырвать, если еще раз к нам сунется!» – с оптимизмом сообщил жизнерадостный Дока, – «И двух его прислужников предупредил не дергаться, мыслей глупых в голове не держать!»

«Правильно сделал», – похвалил Владимир, и уставился на меня – желание узнать подробности произошедшей между мной и «Милочкой» разборки четко просматривалось на его физиономии, – «Давай, что там у вас было!»

Пришлось рассказать, а ребята заинтересованно слушали и в нужных местах поддакивали, подтверждая правильность действий как моих, так и Чапы. То-есть, в душе со мной соглашались, ну а в физической поддержке при необходимости, я никогда не сомневался и раньше.

Но конфликт на этом не закончился. Через день в столовой заметил, что Варя имеет грустный вид, и когда поинтересовался в чем дело – неожиданно всхлипнула и ушла на свою половину вагончика-столовой. Не стал к ней приставать с расспросами – народ на завтрак подходил массово, но после рабочего дня нахально заглянул в домик, который она занимала со своей коллегой, и поинтересовался, кто ее обидел. Поначалу Варя отнекивалась, но потом все же решилась:

«Милочкин приставал, побить обещался, если с тобой еще раз увидит». Это высказала смущенно и склонив вниз голову. Подняла ее, перевела взгляд на меня и попросила совета: «И что мне теперь делать?»

« Живи спокойно, больше эта мразь к тебе близко не подойдет», – пообещал женщине. Злой-презлой поднялся со стула и побежал в домик к ребятам, поговорить и решить, что предпринять, чтобы навсегда отвадить бандита не только грозить Варю, а и смотреть в ее сторону.

Ситуацию обсудили на вечернем совете.

«Варюху в обиду не дадим», – решил за всех Владимир, – «придется «Милочке» вторую руку открутить. А может и костыли поломать, если не успокоится!»

«Ничего не делайте, – остановил его Дока, – «я с этим гадом еще раз поговорю, и все образуется.»

«В приемчиках потренируешься?» – поинтересовался Владимир, зная что Дока у нас каратист с каким-то там поясом.

«Без них обойдемся,» – уверил нас боец, – «это же мой подчиненный, знаю что сказать гаду. На Варю и смотреть перестанет».

На следующий день он действительно сказал «Милочке» такое, от чего тот перестал смотреть не только на женщину, но и в нашу с Владимиром сторону. Причем одним глазом, потому что место второго занимал громадный ярко-лиловый фингал. Не обошелся все же Дока без приемчика.

Часть восьмая

Сергей вернулся из города, проверил, что я без него натворил:

«Все хорошо, так и начальнику скажу», – проделанная мною работа понравилась, – «Зря Николай Игнатович побаивался, что техника простоит – со скважинами ты провозишься долго. Теперь будешь у него в доверии, как специалист нужный. И не только по работе», – он хитренько усмехнулся, – «душевные травмы некоторых лечить умеете!» Оказалось, и начальник знает, почему здоровый мужик ходит по лагерю с фингалом и держит руку на перевязи.

С Владимиром вернулись к привычному делу – опробованию. Лупили кувалдами по зубилам, ума на это большего не требовалось. В головах же, кроме всяких-разных мыслей, крепенько держались подозрения насчет нереальности хороших заработков при одном в артели экскаваторе. А я и недавно погибшего механика не забывал. На перекурах у знакомых работяг осторожно интересовались – не считают ли они, что одного экскаватора маловато, и не собирается ли начальство приобрести второй. Мужики толком ничего не знали, соглашались, что второй не помешает, но тему предпочитали не развивать: начальство лучше знает, на то оно начальство и есть. И лишь один проговорился, что бывший механик тоже разговоры насчет второго экскаватора заводил, и даже с начальником по этой теме ругался, только непонятно зачем. И все, больше информации мы не поимели. Зато получили возможность спросить, как механик погиб нехорошей смертью: по неосторожности загремел в карьер вниз головой, или еще как.

Кое-что уточнить удалось: механик пошел к карьере ночью – рядом с ним нашли фонарик, который уже не горел, может разбился, а может батарейки разрядились, но включен был – так менты сказали. То-есть, что-то он рассматривал наверху, прежде чем загреметь вниз. При чем прогулки такие, правда днем, совершал и раньше, но не один, а с мужиком, который после работы рядом с лагерем ставил петли на зайцев и даже нескольких поймал. Сейчас, правда, мужик в артели не числится, потому что с погибшим был в приятельских отношениях, и после его смерти оставаться здесь не мог, из-за душевных переживаний.

Вечером перед отбоем, уже с Докой еще раз услышанное от мужиков обсудили, и пришли к выводу, что любитель ловить зайцев петлями к смерти человека как-то причастен. Не прямо – это менты сразу установили, а вот косвенно – вполне возможно. Может быть и петли они вдвоем ставили, или мужик механику их показал, а тот в одиночку отправился проверить. Непонятно только, почему ночью и с фонариком. Возможно, услышал на краю карьера шорох, сунулся туда посмотреть что это, ухитрился оступиться и загреметь вниз. При таком раскладе его смерть – действительно несчастный случай. Если не принимать во внимание, что механик с начальником ругался за работяг по серьезной теме – по словам Вари, на него начали «бандюков» натравливать. В общем, полной ясности не получалось.

Разговоры о том, что возле карьера ловят зайцев петлями, на Доку повлияли как кусок колбасы на собаку – на следующий день после работы он умотал с ружьем, спрятав его от лишних взоров под одеждой, прошастал до темноты и вернулся счастливым с добытым зайцем. Сразу занялся им, превращая в полуфабрикат для жаркого, и заодно рассказывая о недавних приключениях.

В общем, пробежался Дока вокруг лагеря, посмотрел по следам где что водится, и одного случайно выгнанного зайца подстрелил. Но не это главное: недалеко от карьера нашел две петли, когда-то поставленные в местах заячьих переходов. В петли никто не попал, были они непонятной животиной сбиты и опасности ни для кого больше не представляли. Из находок Дока сделал вывод, что действительно кто-то из артельских петлями недавно занимался, а может и продолжает заниматься – это если судить по материалу орудий лова: проволока была чистенькой, без ржавчины, и травой не проросла.

«Хозяин петлей и столкнул парня в карьер», – не замедлил Владимир с необычным для него выводом, отличным от сделанного работниками правоохранительных органов, – «только поздно руками размахивать, смылся гад из артели!»

Действительно, подозрительно вовремя человек исчез. Но и вывод Владимира тоже излишне поспешный – огульно обвинить легко, по своему опыту знаю. Доказательств же, что погибшего механика и исчезнувшего охотника связывало что-то серьезное или опасное, кроме ловли зайцев, пока никаких. Поэтому уже не первый раз в нашей проходящей рядом жизни и работе я Владимира предостерег:

«Нельзя так говорить. Нет доказательств, что проверять петли пошли они вдвоем и дело до разборки дошло. А если доказательств просто не нашли, но они все же существуют – можно подумать, где поискать. Отыщутся – все и станет на место».

Владимир пренебрежительно махнул в мою сторону рукой, показав какой я зануда; Дока же наоборот, посмотрел на меня с интересом:

«И как мы будем искать эти доказательства?»

«С мужиками разговаривать. Не может быть, что не видели их в тот вечер. Невозможно просто – возле карьера считай до темноты народ крутится. Другое дело, что говорить об этом никто не хочет, вот и надо узнать почему. Ну а ты», – обратился персонально к Доке, – «продолжишь по горкам бегать. Петли нашел – и еще что раскопаешь. Главное, обращай внимание на любые мелочи, для горок неестественные. Вплоть до бумажек, окурков, ну и прочей гадости».

Дока кивнул головой, принимая мое решение, а Владимир глубоко вздохнул, соглашаясь с ним тоже.

Часть девятая

На следующий день наш технарь умотал в партию – в одном из самосвалов вышла из строя дефицитная деталь, и он посчитал, что именно там, где его знают в гараже все, ее он легче всего найдет. Конечно, втихаря от товарища Николаева, главного инженера партии и его недруга.

О друзьях Дока не забыл, и перед отъездом навестил нас в карьере – передать записочки родным и знакомым, если что надо – купить в магазинах «городка». Владимир тут же накатал карандашом на оберточной бумаге ксиву своей грозной супруге – завучу партийской школы, а я попросил навестить Леню и Пашу, не в пример нам не решившихся сменить место работы, и напомнить, чтобы присматривали за моим домом. Жена уже в городе, но все вещи, машина и мотоцикл оставались в партии, и никуда перевозить их в планах у меня не намечалось.

А следующим днем была суббота, и я утром предложил Владимиру конец недели отметить. Вечером организуем небольшую расслабуху, из добыто Докой зайца сварганим жаркое – Варя поможет в этом деле, ее пригласим в гости. Скрасим так вот монотонные будни. Дока в партии точно оттянется, ну а мы здесь, как можем. Напарник тут же завелся:

«Давно пора организовать что-то! Сидим по вечерам как сычи, даже книг почитать, дураки такие, с собой не прихватили!» Вспомнил, что технарь наш укатил в партию, и хлопнул себя ладонью по лбу: «И вчера забыл написать, чтобы жена их сюда отправила! Вот идиот то!» – так неуважительно себя оценил.

Но планируешь одно – получается другое. Иногда хуже, иногда лучше, и очень редко хорошо. На этот раз неожиданно вытянуло на отлично. После обеда, когда мы поплевали на ладони, готовясь продолжить упражнения с кувалдами, заметили, что в карьер по пологому спуску вышагивает Дока, сопровождая двух очень знакомых по облику представительниц прекрасного пола.

«Кого это он ...» – заинтересованно начал Владимир, не успев разглядеть, с кем его приятель шествует. Но в следующий момент понял: «Да это ж баба моя! А вторая – хрена того!» Обернулся ко мне с дурацким вопросом: «А чего это они сюда приперлись?»

«Твоя-то понятно зачем: по тебе соскучилась», – объяснил непонимающему, – «ну а вторая – наверно за компанию, все что нужно, Дока и в парии успел».

Владимир не ответил – засуетился, начал отряхивать не первой свежести рабочую робу, разглядывая руки на предмет их относительной чистоты. То-есть, к встрече с грозной и серьезной супругой готовился. А я понял, что придется смыться на ночь из домика – приятели с женами заночуют в нем, и мешать им в важном и ответственном отдыхе с моей стороны будет преступлением.

Между тем, компания к нам подошла на расстояние начала общения. Жена Владимира, Анастасия Михайловна, завуч партийской школы, как и положено по статусу, олицетворяла спокойствие и серьезность; подруга Доки, заводная и жизнерадостная хохотушка Ниночка, работающая медсестрой в больнице «городка», с интересом крутила головой, улыбалась и еще издали приветственно помахала нам ручкой. Сам же Дока, довольный организованной им романтической встречей нескольких любящих сердец, поражал улыбкой знаменитого голливудского киноактера.

«Привет мужики», – не задержался он с обменом любезностями.

Анастасия Михайловна его поддержала, с серьезным видом кивнув головой в нашу сторону, посчитав это достаточным в данной обстановке. К моему удивлению, главный заводила, незаменимый тамада на всех коллективных мероприятиях, Владимир так же сухо кивнул в сторону прибывшей компании, и с озабоченным видом шагнул к серьезной подруге, аккуратно взял ее под локоток и повел в сторонку, что-то тихонько нашептывая ей на ушко.

Дока кивнул им вслед:

«Откомандовался наш попрыгунчик!» – это так о Владимире, – «Слова нам сказать не давал, все я да я, а жену встретил – и замолчал, амнезия полная!»

Ниночка, с которой в веселых геологических компаниях я общался частенько, чего бог миловал в отношении супруги Владимира, руку для приветствия мне протянула:

«Юрочка здравствуй!» – улыбнулась персонально, и тут же с умным видом оправдала серьезность попутчицы: «Поработали бы вы в школе с нашими оболтусами – жен своих по стойке смирно ставить бы начали!»

Маленькую ручку я пожал, и потянул к губам выразить поцелуем уважение к симпатичной женщине.

«Ой, ой, ой, какие мы чувствительные!» – покачала Ниночка головкой, но ручку поцеловать разрешила.

«Хватит лизаться,» – остановил ритуал приветствия Дока, – «Я девчонок на сутки привез, моя то сразу согласилась, она ко всему привычная, а Володькину пришлось уговаривать, неудобно ей, видите ли, в одном домике с кем-то ночевать!»

«А я еще одну девушку с собой захватить хотела!» – игриво перебила его подруга, – «Что бы тебе тоже не скучно было, Юрочка! Муженек мой только не согласился, а желающая была-а-а!»

«Без твоих подруг обойдемся», – остановил Дока «заботливую» супругу, – «шеф наш (это опять я) парень видный, без женского внимания нигде не останется!»

«Ой как интересно!» – с очевидным любопытством отреагировала Ниночка, и посмотрела на меня женским оценивающим взглядом.

С Докой и Ниночкой можно было болтать и болтать, были мы одного поля ягоды – к оценке жизненных ситуаций подходили примерно одинаково, и очень часто с юмором. Но здесь к нам вернулась вторая супружеская пара, где главной до ужаса серьезная Анастасия Михайловна. Пришлось нам легкий разговор на житейскую тему прекратить.

Скоро Дока повел гостей устраиваться на ночлег, готовить праздничный – по случаю их приезда – ужин. И я успел шепнуть ему, что в этом деле может помочь Варя, у которой полвагончика кухонного оборудования и уже готовится жаркое из убиенного им зайца.

Гости с Докой ушли, а мы с Владимиром работу продолжили, правда мысли теперь больше касались не ее, а предстоящего сабантуйчика. Я их держал в себе и помалкивал, мой же заводной помощник, из которого обычно слова лились как из рога изобилия, теперь что-то бурчал, но тихо и непонятное для меня. Отдельные словосочетания вроде «что с ней делать», «вот и думай теперь», «а куда ребятам деваться» – я все же различал.

Кончили работу раньше обычного.

«Ничего, в другой раз наверстаем. Зубила тупые, камень колоть невозможно», – нашел напарник оправдание нехорошему поступку, – «отнесем сейчас к станку, да сами и заточим».

Так и сделали, потратив на все минут двадцать. Потом еще пяток потолкались без дела, но дождались окончания официального рабочего дня минута в минуту. Довольные, пошагали к домику, который находился в другом конце лагеря от места ремонта техники, где мы зубила затачивали, и по пути были дважды остановлены. Первый раз – из вагончика столовой выскочила Варя и радостно сообщила, что все нужное по просьбе Доки приготовила и после ужина к нам в домик принесет; желательно только придти помочь. Конечно, показал на себя: я и приду. Варя кивнула головой, и побежала на свое рабочее место. Второй раз возле своего балка остановил Сергей. Молча подошел и с серьезным видом предупредил:

«Смотрите, со спиртным поосторожней, что б ни одна живая душа не заметила!»

Мы, конечно, уверили его, что все будет о-кей, хотя оба сомневались, что прихватить с собой из партии что-нибудь с градусами Дока постесняется.

Домик сиял чистотой, порядком и празднично сервированным столом. Чистенькие и аккуратно подкрашенные женщины устроились на кроватях, и Дока развлекал их смешными историями, столь интересными, что и птички их слушали – обе сидели в гнезде и никуда улетать не спешили. Увидев нас, рассказчик замолчал, зато отдала команду Анастасия Михайловна:

«Немедленно мыться и переодеваться!»

Дока успел все это проделать, выглядел херувимчиком и нам подмигнул. Пришлось достать чистое и бежать в закуток возле карьера, где оборудован душ и мы под ним ежедневно смываем рабочую пыль примерно в это же время.

Потом два часа уже вдвоем Дока и Владимир вешали женщинам лапшу на уши по теме жизни и работы в артели, два часа дамы охали и вздыхали, жалея нас бедных и несчастных, вкалывающих по двенадцать часов ежедневно без каких-либо выходных. Я сидел и улыбался, слушая все эти сказки, а ребята строили из себя этаких добытчиков, крутых мужиков, готовых терпеть любые невзгоды и рабский труд ради счастья семьи. Всю эту галиматью слушать мне давно надоело, но для начала праздника пока рановато – ужин в лагере никак не кончался, народ шел и шел в вагончик столовую, и Варя было не до нас. Я беспрерывно выскакивал из домика посмотреть, когда же она освободится, и наконец время это пришло – больше никто ни шел в столовую, ни выходил из нее. Теперь туда можно было отправиться и мне.

Вдвоем принесли приготовленную Варей вкуснятину, и сабантуйчик начался. Правда, без должного звукового оформления. То-есть, без музыки, и даже без излишнего веселья, что в присутствии Анастасии Михайловны выглядело бы просто неприличным. Конечно, Дока порадовал бутылкой вина, но разливали и пили его с такой опаской, что заметить постороннему даже при желании было невозможно. Варя и вовсе отказалась от стаканчика, и скоро наш вагончик покинула – очень боялась оставить кого-то из артельских без ужина, да и к завтраку нужно было кое-что приготовить. Но попозже пообещала к нам еще заскочить.

Наконец в компании все насытились, наговорились, и пришло время подумать о ночлеге, на который птички наши давно устроились и затихли. Для себя я решил, что возьму спальник, отойду от лагеря в сторонку метров на сто пятьдесят, выберу местечко поровнее без камней, и там устроюсь. Как это всю жизнь делал на охоте. Ну а Дока и Владимир пусть сами решают, как разделить домик, может быть, перегородить занавеской. Для Ниночки, с веселым и компанейским нравом, занавеска вообще до лампочки, а вот Анастасия Михайловна ... вряд ли без нее глаз сомкнет, да и вообще может одна устроиться, на моей кровати, заставив бедного Владимира до утра не смыкать глаз, и эротическими видениями перевозбудить страдающее либидо. С нее это станет запросто – вон как волнуется, что не дай бог, кто-то ее в интересном положении увидит! Или что-то услышит.

«Ничего», – подумал про себя, – «нельзя всю жизнь синим чулком оставаться, в наше-то время». И в подходящий момент собравшихся осчастливил: все, забираю спальник и ухожу, разбирайтесь здесь сами.

«Разберемся, разберемся», – пискнула Ниночка и скосила глазки на Анастасию Михайловну, отчего та стала еще серьезней. Но здесь ее вовремя обрадовал Дока:

«Мы с Нинкой тоже умотаем, на свежий воздух. Ну а вы здесь останетесь.» – обратился персонально к заучу партийской школы, так же как и я понимая свойственные той заморочки. После этих слов Владимир облегченно вздохнул, а Ниночка откровенно ему подмигнула.

Время было уже поздним, и за дверью домика встретила темнота. Во всем лагере лишь один фонарь возле балка начальника боролся с мраком в ближайшем окружении, дотягиваясь уже слабенькими лучами до вагончика столовой. Я машинально глянул в ту, единственно светлую сторону, и увидел, что из вагончика выскочила женщина и помахала в мою сторону рукой. Как это она меня увидела, в полной темноте нашей части лагеря? Я еще раз оглянулся вокруг, поджидая Варю, шагавшую в мою сторону, и с удивлением обнаружил, что не так-то

и темно. Это после электричества в домике я поначалу ничего вокруг не различал, а сейчас глаза привыкли к неожиданной для них темноте, все вокруг начал различать неплохо, и даже на приличном удалении.

Варя подскочила ко мне, увидела в руке спальник и все поняла:

«Если хочешь, могу тебя в вагончике положить. Только долго спать не даст сменщица, рано придет завтрак готовить»

Сменщица Вари, вторая повариха, была женщиной серьезной, в среднем возрасте, и никаких заигрываний с чьей-либо стороны, кроме единственного счастливица, не допускала. По этой причине лишнего общения с ней ранним утром, если не поздней ночью, мне только и не хватало. Поэтому я Варю тут же остановил:

«Отлично переночую на свежем воздухе. Отойду в сторонку, чтобы дурак какой на машине не раздавил, спальник расстелю, и все, считай звезды да жизни радуйся!»

«Тогда я посмотрю, как устроишься», – согласилась Варя с моим планом, и потихоньку в сопровождении деликатно отставшего на пару метров Чапы, мы пошагали в сторону от лагеря, внимательно глядя под ноги, что бы не дай бог за что-нибудь не запнуться. Непривычная к темноте в горках, Варя крепко вцепилась за мою свободную руку, и изредка ойкала, когда под ногами оказывался камушек, бугорок или ямка.

Не прошли и двести метров, как нужное место я нашел – между двумя большими камнями, которые не переедешь, не сдвинешь даже бульдозером. Ногой в сторону отбросил несколько маленьких камушков, что бы не чувствовать их во сне под боком, расстелил спальник.

«Все, ночлег готов», – доложил Варе, и как любой мужчина, с показным сожалением заплакал, – «одному только вот скучать придется!»

Ранее женщина молча смотрела, как я устраиваюсь, теперь же, после моих слов, повернулась ко мне лицом, дотронулась рукой:

«Хороший ты человек, Юра. Даже слишком хороший», – сказала ласково. Как мужик зрелый, я прекрасно понимал, что стоит за этими словами. Как и то, что должно за ними последовать.

«Почему слишком?» – задал необходимый в начавшейся любовной игре вопрос.

«Ну», – Вара чуть-чуть помолчала, что-то про себя решая. Как и ожидал, решила, и уже быстро, словно боясь остановиться и не все нужное высказать, продолжила: «Я же вижу, что тебе сейчас женщина нужна! У тебя же все клеточки об этой кричат! А ты все стесняешься, даже меня поцеловать!» Выказалась на едином выдохе, затем на вдохе прошла пауза: «А я ведь тоже живая, и от тебя мне ничего, кроме ласки не надо!»

И что мне оставалось делать? Ну, скажите, вы, мужики и бабы, мужья и жены, любовники и любовницы! Что я должен делать, когда женщина сама, без грубости, наглости, принуждения предлагает свою любовь? Мысли о которой все чаще посещают мою голову?

Через час спокойную и довольную женщину я проводил до ее домика, услышал на прощание «спасибо за все!», поцеловал и пошагал к месту ночлега, посматривая по сторонам, чтобы ненароком не нарушить покой еще одной парочки – Нины и Доки, которые где-то рядом тоже на ночлег собирались устроиться.

Часть десятая

Утром гостей Дока увез в партию, где его ждала страшно дефицитная запчасть. На прощанье Анастасия Михайловна соизволила протянуть мне ручку, показав этим, что в какой-то мере я стал более близким для нее человеком, и одного кивка головы, как вчера при встрече, в данном случае недостаточно. Ниночка же вначале попрощалась с птичками, послав воздушный поцелуй в сторону их гнезда, а потом по братски чмокнула меня в щеку, заставив Доку вздохнуть и буркнуть «Вот зараза». На что лукавка лишней раз улыбнулась, а мужу состроила хитрую рожицу, как это делают дети.

В карьере я и Владимир помахали кувалдами, собрали в мешочки выколотые куски породы, оформили пробы этикетками, что бы знать места отбора каждой. И не сговариваясь, отошли в тень, под отвесный уступ карьера, в данный момент защищавшем нас от солнца. Перекур. Я присел на камень, а Владимир занялся сигаретой, и (наконец-то, я уже волноваться начал) открыл рот:

«Слава богу, бабы наши отвалили!» – негативно оценил подвиг «декабристок», – «Нет, чтобы поскромней одеться – расфуфырились и накрашились как куклы! Мужики на них как на прос...ти господи смотрели!»

«Это на твою-то Анастасию?» – удивился его словам, – «Да ей волю дай – она и здесь всех в строй поставит, и ходить будут строевым шагом под ать-два!»

«Все равно неудобно», – невольно подтвердил Владимир командирские замашки супруги, и явное желание считаться в глазах окружающих признанным главой семейной ячейки. В чем многие партийские сомневались, а здесь, в артели, пока были в желаемом для Владимира неведении.

Я хотел посоветовать приятелю поменьше «напрягаться» в вопросе взаимоотношения полов в жизни семейной и вообще, но заметил, что к нам от бурового агрегата направился молодой парень, в облике которого при встречах угадывал знакомые черты, но познакомиться с кем ни я, ни Владимир не успели. Кивнул в его сторону, что бы обратить внимание коллеги:

«Кого-то мне напоминает. Может и ты его видел?»

«Где то видел», – согласился приятель, – «лицо приметное.»

Парень издали заулыбался, и подойдя поближе, догадки наши подтвердил:

«Вижу, меня не помните! А я в партии работал, недолго правда, но вас знаю». Он протянул руку для приветствия, хотя уже виделись, и мы ее, конечно, пожали.

«Помним, помним», – улыбнулся гостю Владимир, – « в прошлом году в пивбаре встречались!»

«Меня Федькой зовут», – представился как оказалось старый знакомый, – «а вас Юрой и Володей», – кивнул головой на каждого. «Я в артели с самого начала вкалываю, деньги нужны», – объяснил очень понятную в наше время причину своего здесь присутствия.

«И нам не помешают», – согласился Владимир, но и о сомнениях своих не промолчал, – «только не ясно, на какие деньги можно рассчитывать».

«Старатели мало не зарабатывают», – разъяснил молодец, – «вкалываем-то как – по полсуток и без выходных!» И посмотрел на нас со снисходительной улыбкой, как дембиль на новобранцев.

«Оно конечно», – непонятно в чем поддержал Федора Владимир, – «вон как вы скважины шпарите, Серега геолог задавать не успевает, Юру в помощь привлекать приходится!» – и повел вокруг взглядом одурманенного дозой наркомана, изображая из себя полного лоха.

Я с удивлением посмотрел на приятеля, продемонстрировавшего талант актерского перевоплощения, а парень на его «откровения» купился, и понес совсем ахиною:

«Да, у нас тут все спецы классные, и техника отличная! Запчастей навалом, инструмент нужный под рукой всегда! И дисциплинка та еще, никаких пьянок-гулянок!» Ну как секретарь низшей парторганизации отчитывался перед секретарем вышестоящим! Я даже слушать начал заинтересованно, вдруг приплетет еще что-то, мне неизвестное. Но Владимир не дал Федору разогнаться:

«Ага, дисциплина здесь! Механик в карьер нырнул насмерть, а пьянок-гулянок нет! Не сходится что-то!»

Федя в момент стал серьезным: «Менты сказали, что алкоголя в нем не нашли, значит несчастный случай был».

«Он чего, один туда погулять отправился», – счел полезным и я вклиниться в разговор, – «или на пару с кем?»

«Раньше они вдвоем ходили, с мужиком. Петли на зайцев проверяли. Но в тот раз пошел один точно – напарник его в домике в карты играл, все это видели».

«Хороший мужик был?» – постарался я не уйти от темы.

«Во мужик», – поднял Федя вверх большой палец, – «технику знал как пять пальцев, никогда не простаивала в ремонте подолгу. Уважали его ребята».

«И «Милочка» тоже?» – невинно похлопал я глазами, отлично понимая, что вопрос провокационный.

Парень замылся: «Тут такое дело», – все же решился пооткровенничать, – «Милочка» непонятно кем и работает. Как бы на подхвате у начальника. А тот с механиком ругался частенько. По делу конечно, но начальник-то всегда главный, его слушать положено хоть не хочешь. Вот «Милочка» и приглядывал, что бы механик лишнего от себя не выдумывал».

Высказался Федя, и показалось мне, что об этом пожалел, потому что сразу же нас попросил:

«Только вы никому. Я то вас по партии знаю, потому и рассказал. Но если начальник узнает», – оглянулся вокруг, наверное проверить, что того рядом нет, – «хана мне, в момент выгонит!»

«Об этом не думай», – возмутился Владимир от подобного предположения, – «мы же вместе в партии работали, считай что кореша. А своих геологи не закладывают!» – привел «веский» аргумент, чтобы окончательно успокоить парня.

Федя заулыбался, покивал головой, – «знаю, знаю», – но компанию нашу тут же покинул под благовидным предлогом: «Побегу, работа ждет!» А может не хотел продолжать разговор на опасную тему.

Владимир смотрел вслед уходящего буровика, доставая вторую сигарету, и непривычно молчал, что-то обдумывая. Пришлось его поторопить:

«И как тебе наш старый знакомый? Полезное что-нибудь услышал?»

«А как же!» – стронул я коллегу со стопора, – «Только тебе это полезное не понравится! Потому что с фантазиями твоими расходится!»

«Какими фантазиями?» – интересно было услышать, подтвердит ли приятель предполагаемый мною ход его мыслей. Подтвердил на сто процентов:

«А то, что начальника артели чуть ли не мафиозником считаешь! Всех он, видите ли, «кинуть» собрался!» – уже угадал я на первые пятьдесят. Но Владимир на этом не остановился: «Не слышал, как Федор сказал, что у них все тип-топ и с техникой, и с запчастями, и с дисциплиной даже? А спецы какие? Да при всем этом в хороших бабках и сомневаться нельзя!» Здесь он в сердцах бросил под ноги только что прикуренную вторую сигарету, и дал мне совет: «Выбрось из головы фантазии насчет второго экскаватора. Пусть им занимаются те, кому положено».

Я с грустью вздохнул: в очередной раз показал Владимир, как легко его переубедить, заставить изменить мнение. Ну нет у него твердости, «упертости», как у меня или у Доки, с

кем уже не раз с мнением своим оказывались в одиночестве, но никогда так вот, как Владимир, его не меняли. Приходилось спорить, ругаться, выслушивать в свой адрес нелюбезные характеристики, но в итоге в одном очень важном деле, когда по воле обстоятельств пришлось поучаствовать в расследовании убийства, случившегося в нашей родной партии, оказались мы правы. За что нас, конечно, похвалили, но почему то быстро обо всем забыли.

Владимиру высказанного показалось маловато, и он продолжил подтверждать легкость, с какой кардинально меняется его оценка важных событий:

«И механик погиб случайно, без криминала. Сам слышал – один пошел, один и в карьер загремел. И нечего нам в то дело лезть!» – на оставшиеся пятьдесят процентов подтвердил, что в ходе его мыслей я не ошибся даже на малость.

Из тенечка молча пошагали к зубилам и кайлам. Откровения приятеля меня и не огорчили, и не удивили. Уверен, что новое мнение насчет второго экскаватора и гибели механика, которое он один раз уже успел изменить самостоятельно, немного оглядевшись и подумав в первые дни работы, поменяет еще не раз, развернув на сто восемьдесят градусов. И он тут же подтвердил, что говорить мне одно говорил, но и сомнения все же оставались:

«Непонятно только, зачем Николай Игнатович возле себя трех бандитов держит», – уважительно назвал начальника по имени-отчеству, все же факт подозрительной близости разных по социальному статусу людей отметив. Но и ему постарался найти объяснение, – «Может, они у него как охрана? Вокруг беспредел сплошной и рекет, вот и приходится возле себя держать мордovorотов!»

Для меня Владимир был ценным помощником в том, что касалось его способностей поговорить с любым человеком по душам, выпытать все нужное в легкой беседе вроде как по пустякам, когда при необходимости можно и преувеличить, может и соврать для пользы дела. У меня так не получалось, не мог я ни соврать, ни преувеличить – таким родился. И иногда в очень ответственные моменты, на сложные вопросы язык не поворачивался ответить, потому что правдой было нельзя, а вранье не получалось. Вот и рассчитывал на Владимира, у кого отсутствовали подобные причуды, а потому возникшие у него сомнения насчет непонятной близости начальника и трех подозрительно похожих на бандитов мужиков постарался только укрепить:

«По- твоему, бесценный Николай Игнатович старателей боится, раз охрану завел прямо в лагере! А я не заметил, что мордovorоты его в поездках сопровождают, ни в город, ни еще куда, где действительно беспредел и рекет! И механик, на которого – прекрасно знаешь – любимый твой начальник «бандюков» натравливал, то-есть защитников и охранников, погиб не где-то там, в беспределе, а здесь, у нас, и смерть принял такую, что я лично считать ее несчастным случаем не могу, душа противится!»

Владимир засопел, начал перебирать рабочий инструмент – сделал вид, что занялся делом и смотреть на меня необязательно. Но слова мои до него дошли, потому что, потянув время в сложной подготовке к работе кувалдой, все же со мной согласился:

«Да, в дружбе бандитов и начальника не все чисто», – признал этот очевидный факт, озабоченно вздохнул и меня порадовал, – «ладно, буду вам помогать, пинкертоны хреновы. Хотя и побаиваюсь, что ничего хорошего не получится, а вот из артели нас вышвырнут запросто!»

Уже хорошо – очевидный и очередной разворот в мозгах товарища на сто восемьдесят градусов определенно начался.

Часть одиннадцатая

После работы Владимир уткнулся в книжку, которую его жена без подсказки догадалась привезти, а я отправился прогуляться вокруг лагеря, спокойно подумать, не лицезрея лишних физиономий. Очень удивило меня, что с главным бандитом «Милочкой» мы поступили не по джентельменски – фингал на глаз повесили, руку травмировали, а его бос, то-есть начальник артели, вроде и не отреагировал. Вернее отреагировал, но по словам геолога Сергея, с некой похвалой в наш адрес. С чего бы такое?

Подумав, пришел к выводам в двух вариантах. По первому – начальник не очень ценит «защитников» и ему плевать на разборки, лично его не затрагивающие. Подумаешь, женщину не поделили. Насторожить его в данном случае могло одно: в лагере появилась новая сила (это я, Владимир, Дока), связываться с которой «Милочка» и его приспешники не решались. И что с этой силой делать, он пока не определился. По второму варианту – начальник и сам побаивается своих «защитничков» и даже рад, что кое-кто им не по зубам. То-есть, есть некий противовес, которым при необходимости он может воспользоваться. Каким образом – можно только гадать. Но раз никаких замечаний по поводу недавней разборки не было, то компромат на нас его пока не интересует.

Второй вариант меня настораживал, потому что возникал вопрос: а как «Милочка» на него отреагирует? Не такой это простак, что бы ни сделать выводов из опасной для него ситуации и правильно на нее не отреагировать.

Пришлось почесать затылок. Если, как я считаю, «Милочка» не знаю каким образом причастен к смерти механика – по наводке ли начальника, или по собственной инициативе, – то не решится ли он отправить на тот свет без чьей-либо подсказки кого-то из нас? Организовать очередной несчастный случай?

Представив, как отреагирует Владимир на подобные «крамольные» мысли, и сомневаясь, что в его голове не начнется очередной раздрай, разворот на сто восемьдесят градусов непонятно в какую сторону, я решил разговор в его присутствии на ответственную тему не заводить. Только предварительно договорившись с Докой, вдвоем могли мы в очередной раз переубедить упрямец, заставить все же помогать нам, даже если на то у него исчезло желание.

Пока рассуждал о превратностях жизни, ноги вынесли меня из сопки к карьере, к маленькой железной пирамидке с крестом на вершине, отмечающей место, откуда упал вниз и разбился насмерть бывший механик. Появилась возможность это место осмотреть еще раз, вдруг что-то в свое время упустил из внимания. А что искать именно – я уже знал.

Опустился на четвереньки, и начал внимательно осматривать кусты баялыча. Представлялось мне, что если механик шаршился здесь ночью проверяя петли, то кроме как к кусту, прикрепить их было не к чему.

Искал недолго – куст с содранной возле земли корой нашелся в идеальном для петли месте, а характер повреждения говорил, что это след от проволоки, замотанной вокруг ветки. находка говорила, что механик действительно мог сюда придти, но понять почему ночью, и почему загремел в карьер – не получалось. До него от петли я насчитал не меньше пяти метров.

Ветки куста тоже осмотрел внимательно и нашел на них несколько заячьих шерстинок. Сидел, сидел в петле зайчик, раз оставил их, пока рвался с испугу. Только куда вот делся вместе с петлей, если место это утром тщательно менты осматривали, и никакого зайца и проволоки не нашли?

Интересно, кто же в ту ночь здесь побывал кроме механика, кто унес пойманную животину и орудие лова? Не могли они испариться без посторонней помощи!

Как любой ненормальный на моем месте, я посчитал, что кто-то сознательно завлек сюда механика, а потом столкнул или сбросил с края карьера вниз, после чего подчистил место пре-

ступления – избавился от возможных улик в виде окурков, следов обуви, а может и крови, заодно от зайца и проволочной петли. И этого человека я должен вычислить! Конечно, с помощью друзей-приятелей.

Постой, постой, – остановил себя вовремя. А если петлю убрали сто лет назад? Ну стояла, стояла, один заяц в нее попал, а других здесь не водится. Вот и сняли, перенесли в другое место. Тоже вариант. Но это если никто не готовил в лагере жаркое из зайца и не просил об этом поварих на следующий день или два после смерти механика. Не верилось, что убийца, если он был, попавшегося в петлю зайца выбросил. Ну не должно добро пропадать в наше дефицитное по части мяса время!

В домик вернулся в сумерках, так и не увидев вблизи лагеря никакой живности. И приятно удивился: на столе принесенный из столовой ужин на троих, а друзья-приятели, скупаемые голодом, терпеливо меня дожидаются.

«Где тебя черт носит!» – продемонстрировал возмущение Владимир, никогда не понимавший кайфа от общения с природой в нерабочее время, – «Я на еду смотреть не могу, боюсь слюной подавиться! В желудке спазмы!»

Дока же расцвел в улыбке и с нескрываемым интересом кивнул в мою сторону головой, заменив этим жестом очевидный вопрос: где был и что видел. Я крутнул рукой, показав что шаршился вокруг лагеря, и помотал головой из стороны в сторону, что означало: ничего не видел. Дока вздохнул – понял меня отлично и сожалеет, что не встретил никакой животины. Владимира наши жесты только раззадорили:

«Хватит кривляться!» – отреагировал на манипуляции, – «Давайте за стол, не то я один все слопаю!»

Вернуться из партии пустым Дока конечно не мог. Да и настроение у него было отличное – дефицитную запчасть по большому благу достал. А потому к ужину материализовал бутылку (огнетушитель) бормотухи, при полном отсутствии в артели спиртного показавшейся нам чуть ли не эликсиром жизни, и спровоцировавшим на приятные разговоры. О крамольных мыслях насчет непонятных взаимоотношений начальника артели с некоторыми из его подчиненных, я и заикнуться не посмел.

Часть двенадцатая

А через несколько дней в лагере воцарило общее возбуждение. Деньги выдавали, очередной для старателей и первый для нашей компании аванс. Приятно удивились – полученные суммы намного превышали партийские авансики из прошлой жизни, и если столько же денежек переходило на окончательный расчет по завершению сезона – можно дальше работать и радоваться жизни. Не успела наша троица отойти от балка начальника, где каждому вручали по конверту, как Владимир с ехидством меня поддел:

«Начальничек-то наш, не «кинул» никого! Денежки вручил культурненько, в конвертиках!» – похвалил Николая Игнатьевича, – «Заработать дает, без всяких вторых экскаваторов!» – намекнул на ущербность моих суждений на тему что надо и что не надо для нормальной работы артели.

Дока хмыкнул, не разделив эйфории приятеля, но высказаться воздержался. Мое же молчание Владимир мог оценить неправильно, пришлось напомнить:

«Рудишку пока и одним экскаватором отгружать успевают, потому и деньги нормальные имеем. Но это ненадолго – придет время сопочку убирать, чтобы карьер расширить. Вот тогда и запоем, с одним экскаватором, а об авансиках, как сейчас, всем только мечтать придется!»

Владимир махнул рукой – горбатого, мол, могила исправит, но в дискуссию не вступил, оставив меня в неопределенности: как у него в головке, как оценивает ситуацию в артели после убедительного факта получения столь значимого аванса.

Раздачей денег праздник только начался. Было объявлено, что после работы, перед ужином на каждых двух человек положено по бутылке водки – иногда и роботам, коими по сути дела все в артели являлись, разрешалось расслабиться. Несчастные двести пятьдесят грамм, при хорошем ужине, здоровому мужику что слону дробинка, а запомнятся надолго – вон как о них заботятся!

Свою долю, две бутылки (четвертой в нашу компанию вошла Варя), забрали в домик, вместе с положенной закуской, и поджидали единственную женщину, занятую в столовой.

Она задерживалась, а из вагончика доносился громкий смех, обрывки оживленных разговоров, потом началась музыка. Танцы мужики устроили, не иначе – вот что сухой закон делает! Выпил-то каждый всего-ничего, а веселья уже на целую бочку, почище чем у нас в партии, где спиртного на сборищах море разлитое!

Наконец запыхавшаяся, улыбающаяся Варя заскочила к нам в домик.

«Еле вырвалась!» – оправдала задержку, – «Мужики совсем абалдели, на танцы в очередь выстраивались!»

Я покачал головой, сочувствуя женщине, на которую обрушилось слишком много мужского внимания; Владимир был другого мнения:

«Радоваться должна, таким успехом у кавалеров пользуешься! Еще и пожалеешь, что к нам сбежала – от этих интеллигентов», – покосился на меня как на больного головкой, – «кроме ля-ля заумного, ничего не дождешься!»

«Ничего, Варюха,» – «успокоил» женщину Дока, – «если эти козлы (я и Владимир) в ладошки похлопают, я с тобой любой танец сбацию!» И начал галантно усаживать даму на оставленное для нее место за столом.

До танцев дело не дошло, но наговорились, насмеялись от души. Из трех мужиков, в состоянии «под легким шофе», анекдоты, смешные истории, чистая правда, полуправда и откровенное вранье вырывались легко и без всякого порядка, часто мешая друг другу. Варя только успевала хлопать глазами и насмеялась до слез. Птички же наши из гнезда с изумлением взирали на торжество, не решаясь попискивать.

Но и веселью приходит конец. В вагончике столовой погас свет – народ разошелся по домикам, и только из некоторых доносились приглушенный смех и разговор самых неугомонных. Лагерь быстро и без инцидентов отходил ко сну.

В незаметно притихшей нашей кампании дело дошло до завершающего чаепития. Дока занялся кипятком, заваркой, чашками, Владимир убирал лишнее со стола. Я же решил про-вентилировать не оставляющий меня в покое вопрос:

«Варя, кроме нас тебя не просил приготовить зайца еще кто-то?»

«И не раз,» – улыбнулась Варюха, – «мужики если и умеют, так чай заварить, на большее не хватает!»

«Не помнишь, кто к тебе с такими просьбами подходил?»

«Ну, несколько человек», – Варя сосредоточила взгляд на одном из предметов на столе и начала вспоминать, загибая на руке пальцы. «Два раза мужик, что уже отсюда уехал,» – как я понял, тот, что ставил на зайцев петли, – «один раз парень, что разбился, и один раз Милочкин», – закончила с удовольствием, что не забыла всех любителей жаркого.

«А «Милочка» причем? Он же вроде не любитель охотиться?» – сам не знаю с чего вырвался у меня совсем дурацкий вопрос, на который Варя заведомо не могла ответить. Она и промолчала – пожала плечами. Зато Дока понял меня отлично, и трансформировал все в понятное для женщины содержание:

«Ты лучше вспомни, когда этот бандит к тебе с зайцем приперся!»

«А он последним приходил, не так и давно», – немного подумала и уточнила, – «когда из милиции сюда приезжали, разбирались как парень погиб».

Мы с Докой переглянулись, поняв, что зайчика «Милочка» принес на следующий день после смерти механика. Не знаю, что подумал Дока, но а я понятно: не его ли вместе с петлей этот тип забрал с места, отмеченного пирамидкой с крестом? Той же ночью, когда человек погиб, а точнее – его убили?

Здесь Владимир заметил мой с Докой телепатический обмен взглядами, сделал правильный вывод, что в головках наших праздничные темы отходят в самый дальний уголок и сменяются другими, к данному моменту, по его мнению, совершенно ненужными. Решил эту пертурбацию остановить, а заодно напомнить всем, кто здесь, за столом, тамада:

«Хватит вам (то-есть мне и Доке) о грустном! Красавица наша, единственная дама, уже пять минут, как не улыбается! Стыд нам и позор, кавалеры хреновы!» – и персонально у Вари поинтересовался обо мне, – «Он и с тобой, когда гуляете, норовит об охоте, да работе? Про любовь иногда заикается?»

«Заикается, заикается», – улыбнулась мне женщина, – «только когда очень попросишь!»

Варе я ответил улыбкой, а потом посмотрел на Владимира как удав на добычу: чья бы корова мычала, а твоя бы молчала. Знаем мы, как этот разговорчивый тамада со своей женой на любовные темы разглагольствует, не смея поднять голос и ни-ни о нескромном!

С Варей я еще прогулялся до карьера, и очень поздно, когда лагерь замолчал окончательно, проводил до ее домика.

«Хорошо-то как сегодня было!» – подруга с сожалением вздохнула, – «Что бы дней таких побольше, а каторги нашей поменьше! Человеком почаще себя чувствовать!»

Не согласиться я не мог, но времена такие, что ради близких готовы все мы на любую каторгу.

Часть тринадцатая

С Докой никак не получалось поговорить наедине, после работы будто специально Владимир постоянно торчал рядом. А обсуждать тему, воспринимаемую как мои фантазии, при нем совсем не хотелось. Приходилось ждать подходящего момента, когда этот тип наконец найдет себе дело, а я смогу Доку на время умыкнуть. Момент же как назло никак не появлялся – Владимир беспрерывно развлекал нас пустой болтовней. Вроде того, что хорошо бы в партию съездить, пивка попить, неплохо и шашлычком разговеться. На работе он как одержимый колотил любые попадающиеся под руку камни, объяснял мне, чем именно они его интересуют, и непонятно по каким критериям некоторые отбирал для пополнения личной коллекции, находящейся в данный момент в партии. И несколько раз на день напоминал о мечте найти приличный самородок, который он втихаря заныкает рядом с лагерем в сопках, а зимой по снегу сюда доберется и заберет. Такие его желания меня давно перестали веселить, но Владимир этого не замечал, продолжал гундеть и гундеть. Слава богу, ему все же и кувалдой приходилось жонглировать, и только это мешало мне попросить его наконец-то заткнуться.

Однажды за какие-то благие деяния господь бог обратил на нас внимание, и для опробования подсунил массив очень трещиноватых пород. Опробование пошло побыстрее, потому что работать кувалдами не приходилось – я легонько тюкал молоточком, а Владимир быстро сгребал в мешочки породу, изначально разрушенную силами природы. И неожиданно, к нашему удивлению, оказались вдруг без дела – все, что Сергей наметил, опробовали. Я собрался идти в лагерь, просить у геолога новую работу, но Владимир остановил:

«Подожди, нечего из себя стахановцев строить. Повезло сегодня – завтра руки оторвем кувалдами, если по монолиту лупить придется. Давай на рудный отвал смотаемся, посмотрим что там лежит, камушки поколотим.»

«Самородок найти надеешься?» – поддел я приятеля.

«Зачем самородок?» – показушно удивился Владимир, хотя на его физиономии это желание просматривалось без особого напряжения, – «Отберем парочку хороших образчиков, и все».

Я не стал спорить – и самому хотелось посмотреть нормальную руду. Пошли к отвалу, и еще издали заметили, что не одни мы такие любопытные: по кучам породы лазили два человека и что-то там высматривали. Чапа, сопровождавший нас хвостиком, неожиданно для меня зарычал, показав свое негативное к ним отношение. Наверное, мужики успели его чем-то обидеть. Коллега же мой удивился:

«Посмотри только! Я думал, что один такой, на голову тронутый – коллекцию образцов собираю! Оказывается, и другие такие же есть!»

«Они не образцы, они самородки ищут!» – ляпнул я Владимиру, отлично зная о его скрытых надеждах, – «Набивают ими банки из-под тушенки, и в сопках прячут до зимы!» – съехидничал откровенно, напомнив приятелю и о его мечте поступить примерно так же.

Владимир засопел, сердито на меня позыркал, но промолчал, посчитав что оправдываться сейчас не к месту – мы успели к рудному отвалу подойти и ковыряющиеся в нем личности нами заинтересовались.

При ближайшем рассмотрении оказались они «бандюками» из окружения «Милочки», и конечно нашему появлению не обрадовались. Желания пообщаться у них не возникло возможно из солидарности с «паханом», которому Дока запретил не только разговаривать, но и смотреть в нашу сторону. На всякий случай «бандюки» отошли в сторонку – Чапа продолжал на них порывивать, но ковыряться продолжили, изредка на нас посматривая. Я платил им откровенным невниманием, а Владимир нет-нет, да и зыркал в их сторону, стараясь понять, чем занимаются. Наконец не выдержал:

«А ведь точно, золотишко ковыряют. Ну не само конечно, а отбирают камушки, где оно видимое», – посмотрел на меня – как отреагирую – и добавил, – «У них уже два мешка килограмм по десять набрано!»

Я невольно бросил взгляд в сторону старателей-золотоискателей, разглядел мешки с камнями, и с мнением Владимира полностью согласился: точно, «бандюки» отбирают камушки с видимым золотом. Только кто-то же разрешил им таким делом заниматься – от нас же не прятались. И что с камнями собираются делать дальше? Приятель и на этот вопрос ответил:

«Хотя, конечно, бандиты, но я их понимаю. Сейчас по всей стране воруют, что плохо лежит, с работы тянут все возможное. Жизнь такая, не проживешь по честному!» – посмотрел на меня с ехидной улыбкой, – «И тебе пора это понять!»

«Придет время – пойму, » – обнадежил умного советчика, – «но если браконьером первостатейным давно себя считаю, то воровать, как советуешь, вряд ли научусь, не мое это».

«И не воруй», – согласился Владимир, – «но рудишку,» – постучал молотком по камням, – «в некотором роде и мы с тобой добываем. А потому маленький кусочек можем лично для себя прихватить. Ну как конфетку на кондитерской фабрике – их же каждый домой тянет с работы, а если тянуть побаивается – то на рабочем месте наедается до отвала!»

Очень удобная философия! Подбирается Владимир к тому, что и нам сам бог велел в рудном отвале поковыряться и кое-что для себя отобрать. Как конфетку. Я отнюдь не собиравшись его останавливать, если есть желание немного поковырять золотишко. Пусть ковыряет, артель, а тем более государство от этого не обеднеет. Только без меня. И промолчать не мог лишь об одном:

«Золото, если оно добыто незаконно – всегда приводит к крови. Я это знаю отлично, и ты не в неведении. Помнишь, как в партии руду украли с площадки возле шахты? Помнишь, чем это кончилось? Двумя трупами только в партии, и еще двумя на стороне. Я то об этом не забываю, потому что ментам тогда помогал в расследовании, и тебе сейчас говорю: не связывайся с золотом, ни к чему хорошему это не приведет!»

Владимир хмыкнул, вроде как несущий чушь, но промолчал, возразить мне не решился. Очень хотелось ему выколотить самородок.

Полазили мы по рудному отвалу больше часа. Уже и «бандюки» ушли, утащив с собой тяжеленные мешки с камнями, и я успел посмотреть все, что хотел, а Владимир никак не мог остановиться. Наколотил образцов столько, что положить некуда – все карманы и у него, и у меня ими набиты. Я уже зажался, когда же приятель утихомирится, но пока на это даже намеков не появлялось: глаза продолжали гореть как у ненормального, весь дергается, руки трясутся, вокруг ничего не видит. Вот что такое страсть коллекционера! Или искателя самородков?

Давно хотелось напомнить ненормальному, что всему есть предел:

«Слушай, собиратель хренов», – наконец решился остановить зарвавшегося, – «надеешься пол отвала к нам в домик перетащить? Для какого черта тебе образцов столько?»

Владимир на секунду замер, прекратил сверкать глазами и с отрешенным видом уставился на меня. Такое впечатление, что слова мои до него не дошли, не было в голове для них места. Пришлось возвращать его в реальность на повышенных нотах:

«Кончай камни молотить! Хватит уже и для твоей коллекции, и для друзей твоих, таких же тронутых, если думаешь с ними обмен устраивать!»

На лице Владимира появились проблески сознания, начал осмысленно оглядываться, в голове наконец-то появились здравые мысли:

«Да, да, на сегодня хватит», – ну конечно, теперь он собирается каждый день здесь пасть! И приятель это тут же подтвердил: «Мы еще в том конце», – махнул рукой в сторону, где недавно трудились «бандюки», – «ничего не видели. А там самый смак, раз мужики по мешку наколотили. Им же только видимое золото нужно!»

«Другой раз будешь ковыряться без меня», – предупредил ненормального, и чуть ли не силой потащил с отвала в домик. Тот принял это как должное, но по дороге мысли у него крутились вокруг этого чертового отвала, образцов с видимым золотом, и что он собирается делать дальше. Как я понял, золотишка он наковырять хочет не чуть-чуть, а намного больше.

После ужина коллекционер начал демонстрировать образцы Доке, показывать в них золото, объяснять как и сколько его можно втихаря наковырять вручную. Не захотел прислушаться к моим словам, что незаконное золото всегда сопровождается кровью!

Ну и черт с ним, – решил про себя, – Доку он вряд ли в авантюру втянет, тот, как и я к золоту равнодушен, а вдвоем мы этому деятелю сильно разогнаться не позволим. Потихоньку из домика вышел, и пошагал к балку геолога артели. У него поинтересоваться, всем ли разрешается ковыряться в рудном отвале, или только избранным, вроде бандюги «Милочки» и его прихлебателей. На мой вопрос Сергей усмехнулся:

«А чего запрещать, пусть ковыряются, кто хочет. Только для этого ни у кого времени нет, да и таланта в камнях разбираться. А без него много не наковыряешь». Он внимательно посмотрел мне в лицо: «Надеюсь, что ты с ребятами этим делом заниматься не будете, ни к чему хорошему оно не приведет. На Милочкина и его друзей внимания не обращай, все на зоне уже побывали, и возможность попасть туда еще раз, с наворованным золотом, их не пугает».

Я не стал тему «ковыряния золота» с Сергеем развивать, покивал головой, соглашаясь с советом подобным делом не заниматься, и даже подтвердил это словами:

«Золото ковырять мы не будем, но образчиков хороших наберем, как это сделал бы любой геолог на нашем месте».

По дороге в домик я разговор с Сергеем еще раз в голове прокрутил, и пришел к выводу, что геолог осторожно меня предупредил: в артеле нормальным работягам с золотом заниматься некогда, мне и моим ребятам в это дело лучше не лезть, но есть Милочкин и кампания, которые могут ковыряться в рудном отвале, и имеют на это дело время. А вот что без разрешения начальника артели, Николая Игнатовича, не обошлось – я уже дотумкал сам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.